

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шедше научите всѣ языки, крѣщаще
ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго
Величества Государыни Императрицы Православнаго Миссіонерскаго
Общества

1894.

Годъ второй.

ТОМЪ I.

№ 2

Я Н В А Р Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФИЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1894.

суетвѣрія ему хочется прятаться во тьмѣ и сокровенности. Свѣтъ прогоняетъ эту тьму.

Точно ли нужно выходить на проповѣдь Евангельскую, предварительно приготовившись къ этому чрезъ изученіе литературы и быта самаго народа? Не значить ли это надѣяться на ученость, а не на благодать Божію, которая одна можетъ привлечь ко Христу? Апостолы не изучали литературы, религій, нравовъ тѣхъ народовъ, къ которымъ выходили на проповѣдь. Не довольно ли для проповѣдника имѣть самому живую вѣру и усердіе къ проповѣди, а въ прочемъ полагать надежду на помощь и вразумленіе Божіе? — Довольно для того, кто не имѣя средствъ и времени приготовиться, возымѣлъ бы желаніе посвятить себя Апостольскому служенію. Но этого нельзя ставить въ примѣръ всѣмъ. Предназначаясь къ Апостольскому служенію и имѣя возможность пріобрѣсть нѣкоторыя естественныя пособія къ этому, пренебрегать ими, уповая на будущія пособія благодати Божіей, также неразумно, какъ неразумно надѣяться на спасеніе, не прилагая трудовъ для сего. Выходить на дѣло проповѣди, не подумавши сначала какъ должно дѣйствовать при этомъ, это значить идти со смѣлымъ расчетомъ на чудесную помощь. Благодать Божія помогаетъ тамъ, гдѣ собственныя силы недостаточны, но не тамъ, гдѣ не хотятъ употреблять своихъ силъ.

Мелетій Епископъ Якутскій и Вилюйскій.

12 ноября 1893 г.

Якутскъ.

Записки Шульбинскаго миссіонера іеромонаха Сергія за 1893-й годъ ¹⁾).

28-го ноября прошлаго года я пріѣхалъ въ поселокъ Шульбинскій и поселился въ немъ на жительство. Съ моимъ пріѣздомъ, такимъ образомъ, открылся здѣсь миссіонерскій „станъ“.

Поселокъ Шульбинскій, или какъ по просту называютъ его Шульба, расположенъ на берегу Иртыша, почти на половинѣ

¹⁾ Киргизской миссіи въ Томской епархіи.

пути между Семипалатинскомъ и Устькаменогорскомъ. Встарину это былъ казачій форпостъ — названіе, и теперь сохранившееся за нимъ въ искаженной формѣ *фѣрпоста*; позднѣе такіе форпосты стали называть поселками, потомъ ихъ разжаловали въ хутора, и теперь опять называютъ поселками. Возлѣ такихъ поселковъ до сихъ поръ виднѣются остатки ихъ былого назначенія, это—валы и бастионы. Даже не старые люди помнятъ еще, какъ на нихъ красовались нѣкогда большія чугунныя пушки.

Въ Шульбѣ есть необыкновенно малый и убогій храмъ, точнѣе молитвенный домъ съ престоломъ во имя св. пророка Іліи. Храмъ этотъ приписной, принадлежалъ Убинской приходской церкви, которая находится отъ Шульбы въ 40 верстахъ. Пришлось невольно отбить часть доходовъ у священника, поэтому я ѣхалъ къ нему съ нѣкоторыми опасеніями и съ рискомъ встрѣтить не дружелюбный пріемъ. Но опасенія оказались напрасными. Добрый старецъ-священникъ съ радостію встрѣтилъ меня и перекрестившись возблагодарилъ Бога, посылающаго киргизамъ проповѣдниковъ слова Божія. Нечего говорить, съ какою радостію встрѣтили меня Шульбинцы. Меня пріятно удивило также, что и киргизы встрѣтили меня дружелюбно. Безъ сомнѣнія они скоро узнали, съ какою цѣлью пріѣхалъ новый *молда* („портить киргизскую вѣру“, какъ они выражаются), и должны бы отнестись ко мнѣ по крайней мѣрѣ недовѣрчиво, какъ это было въ другихъ станяхъ; но этого здѣсь не было. При встрѣчахъ со мною они постоянно снимали свои малахаи, и приходили ко мнѣ въ домъ знакомиться, являлись и женщины. При этомъ странное впечатлѣніе я выносилъ, когда, бывало является киргизка въ своемъ народномъ костюмѣ, съ жаулукомъ на головѣ, и на вопросъ мой, какъ зовутъ, отвѣчаетъ: Татьяна, Ѳедосья. А сами не крещеныя!

Я пріѣхалъ въ Шульбу въ субботу вечеромъ и черезъ полчаса уже служилъ всенощную.—Такъ началась моя миссіонерская жизнь... Жизнь эту вѣрно характеризовалъ одинъ изъ алтайскихъ миссіонеровъ: „поѣздки, поѣздки и поѣздки“. И дѣйствительно, я прожилъ только три дня въ Шульбѣ, и пришлось ѣхать въ Семипалатинскъ, куда въ теченіи декабря я долженъ былъ съѣздить два раза.

28 декабря собрались ко мнѣ киргизскіе о.о. миссіонеры. Интересы миссіи киргизской нѣсколько обособились, специализировались отъ интересовъ Алтайской миссіи, поэтому Преосвященнѣйшій Макарій благословилъ намъ устраивать отдѣльные братскіе съѣзды. Первый такой съѣздъ и состоялся 28-го декабря въ Моёмъ станѣ. Это было очень важно для дѣла нашей миссіи, дѣла еще новаго, почти только начинающагося, такъ какъ дѣятельность перваго киргизскаго миссіонера въ такомъ огромномъ районѣ и среди массы такого населенія, какъ киргизы, можно считать только приготовительною, такъ сказать введеніемъ. Важно было и о.о. миссіонерамъ познакомиться другъ съ другомъ, опознать себя, подѣлиться своими впечатлѣніями и наблюденіями. У насъ сразу возникло много вопросовъ, которые мы, обсудивши сообща, и повергли на благоусмотрѣніе Преосвященнѣйшаго Владимира, начальника миссій (нынѣ Епископа Владикавказскаго).

На новый годъ мы вмѣстѣ помолились, испрашивая себѣ у Господа силъ на совершеніе дѣла служенія нашего. 2-го января утромъ миссіонеры выѣхали изъ Шульбы. Въ тотъ-же день вечеромъ выѣхалъ и я въ Бійскъ на общій братскій съѣздъ. Провожать меня собралось, кромѣ русскихъ, нѣсколько человекъ киргизовъ, въ числѣ коихъ былъ мулла. Послѣдній являлся ко мнѣ въ первый разъ, и ради такого важнаго случая обязалъ свою голову какой-то грязной тряпкой, которая вѣроятно должна означать собою во 1-хъ чалму, во 2-хъ то, что ей слѣдуетъ быть бѣлаго цвѣта. За то онъ очень церемонно поздоровался, не покиргизски, а по-арабски, и приложилъ правую руку къ сердцу. Мы познакомились, потолковали; я успѣлъ-таки почитать ему „Первоначальныя свѣдѣнія киргизу“, при этомъ спросилъ: это написано по-киргизки? — Мулла увидавши русскій шрифтъ, смѣло отвѣтилъ: жокъ (нѣтъ). Каково-же было удивленіе киргизовъ, когда они услышали чистую родную рѣчь. Всѣ громко начали выражать свое удовольствіе. Я подарилъ муллѣ эту книжку и уѣхалъ, сопровождаемый ихъ благопожеланіями.

Въ Бійскѣ пришлось просидѣть нѣсколько дней у письменнаго стола за канцелярской работой. Въ день выѣзда изъ Бійска я простудился, поэтому въ Улалѣ принужденъ былъ не выходить

изъ комнаты. Мнѣ удалось побывать только на двухъ-трехъ братскихъ собраніяхъ къ концу сѣзда; но и этого было достаточно, чтобы освѣжить въ своей душѣ чувства любви и братства, которыми одушевлена семья алтайско-киргизскихъ миссіонеровъ. Юбилейное воспоминаніе необычайно свѣтлой, величавой личности Алтайскаго перво-апостола (покойнаго о. Архимандрита Макарія) какъ-бы усилило эти чувства, сказалось во всѣхъ насъ сознаниемъ единенія прежнихъ вѣропроповѣдниковъ съ настоящими. На нашихъ частныхъ собраніяхъ предметомъ рѣчи были большею частію воспоминанія о прежнихъ товарищахъ, многіе изъ коихъ уже сошли въ могилу.

Насталъ день разлуки еще на цѣлый долгій годъ! Признаться, не легко было разставаться! Подобное чувство сердечной боли — точно, что отрываютъ отъ живаго тѣла — испытываешь, когда на долго уѣзжаешь куда-нибудь изъ родной семьи. Всѣ разтѣхались, и изъ миссіонеровъ въ Улалѣ остался по болѣзни одинъ я, почувствовавшій себя одинокимъ и какъ-бы осиротѣлымъ.

Въ Шульбу вернулся я уже на первой недѣлѣ великаго поста. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, крестьяне сосѣдняго села привезли ко мнѣ киргиза. Опасаясь преслѣдованій со стороны его родичей, они пріѣхали поздно ночью и просили тотчасъ же окрестить его. Я отказался немедленно исполнить ихъ просьбу. На другой день послали нарочнаго къ г. уѣздному начальнику, а Тукмолду, такъ звали желающаго креститься, обучали молитвамъ. Оказалось, онъ настолько обрусѣлъ, съ дѣтства живя у крестьянъ, что русскимъ языкомъ владѣлъ гораздо лучше, чѣмъ природнымъ киргизскимъ! Объ исламѣ онъ почти не имѣлъ понятія, намазовъ и постовъ не исполнялъ, и вполне подходилъ къ распространенному среди казаковъ мнѣнію, что у киргизовъ нѣтъ никакой вѣры. Нашъ посланный со свѣдѣніями отъ г. уѣзднаго начальника возвратился въ субботу вечеромъ (13-го февраля). По усиленной просьбѣ крестьянъ и самаго Тукмолды, я окрестилъ его въ тотъ же день, хотя начать крещеніе пришлось въ 9 часовъ вечера. Замѣчательно, нѣсколько человѣкъ *джатаковъ* прибѣгали ко мнѣ, не смотря на такой поздній часъ, и просили позволенія побывать въ церкви и

посмотрѣть, какъ крестятъ киргизовъ. Но русскихъ, ни разу не видавшихъ этого, набралось такъ много, что самъ я едва-едва протискался впередъ между живыми стѣнами, а бѣдные киргизы такъ и не попали въ церковь.

Чинъ присоединенія, равно какъ вопросы и отвѣты присоединяемаго давались по-славянски (на столько хорошо онъ владѣлъ русскимъ языкомъ). Этотъ длинный рядъ вопросовъ, которыми православная церковь строго испытываетъ совѣсть присоединяемаго, не обычная обстановка, горящія свѣчи, множество народа — все это, не говоря о священной важности самой минуты, произвело сильное впечатлѣніе на присоединяемаго. И по его щечкамъ текли слезы. Дѣйствительно было отчего заплакать и одушевленно — твердо отвѣчать „отрицаюся“ на одинъ изъ слѣдующихъ вопросовъ, напримѣръ: „отрицаеши ли душевреднаго ученія... и басней ихъ о раѣ и о скотоподобномъ и нечистомъ въ немъ житіи“..... Въ это время я приучалъ Шульбинцевъ къ общему пѣнію въ церкви, и дѣло подвигалось туго, пѣли какъ будто не охотно и робко; а теперь пѣли всѣ громко, съ воодушевленіемъ и усердно молились „о еже нынѣ приходящемъ ко святому просвѣщенію, о еже показатися ему сыну свѣта и наслѣднику вѣчныхъ благъ“. По окончаніи крещенія (уже въ 11 час. ночи) многіе давали новокрещенному Дмитрію денегъ, не зная какъ иначе выразить ему радость, что онъ сдѣлался христіаниномъ.

На другой день оказалось, что не всѣ киргизы отличаются терпимостью. У моего сосѣда живетъ молодой киргизъ. Онъ относился ко мнѣ съ большимъ расположеніемъ, но теперь вдругъ при встрѣчѣ со мною не только не поздоровался, но отвернулся и даже началъ отплевываться. И дома, у своихъ хозяевъ, какъ мнѣ передавали, все бранился: зачѣмъ-де стали киргизовъ крестить. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, я окрестилъ 14 человекъ, мой сосѣдъ уже по-привыкѣ къ этому и не только пересталъ сердиться на меня, но даже отвѣтилъ вотъ что, когда я недавно предложилъ ему самому креститься, притомъ отвѣтилъ съ такимъ покорнымъ и какъ бы виноватымъ видомъ: „Есть у меня, батюшка, старый отецъ; заругаетъ, когда узнаетъ“.

9-го марта крестьяне деревни Зѣвакиной привезли ко мнѣ 15-лѣтняго мальчика киргиза, по имени Ракыма Мотыша, и просили окрестить его. Одинъ изъ крестьянъ, работникомъ у котораго жилъ Ракумъ, желалъ усыновить его. Ракумъ также представлялъ изъ себя типъ сильно обрусѣлаго киргиза. Манеры держать себя и говорить, при красивой наружности, дѣлали его вполне похожимъ на русскаго парня крестьянина. Онъ давно желалъ креститься; послѣднимъ толчкомъ было неудовольствіе противъ аульныхъ старшинъ, которые при сборахъ податей, самымъ безсовѣстнымъ образомъ обирали несчастныхъ киргизовъ. Нужно, напримѣръ, получить два рубля, а они берутъ три, и при этомъ выдаютъ квитанцію, въ которой показана истинная цифра, что бесполезно для бѣдняковъ, такъ какъ они грамоты русской не знаютъ. Упоминаю о Ракумѣ между прочимъ съ цѣлью показать, что онъ, какъ и большинство киргизовъ, отличался удивительной понятливостью. Въ какой-нибудь часъ онъ выучилъ наизусть со словъ толмача, всю молитву Господню (по-киргизски). Замѣчательно, почти всѣ киргизы, которыхъ я крестилъ, въ томъ числѣ и Ракумъ, просились въ школу учиться, несмотря на то, что иные были уже взрослые.

Ракумъ, нареченный Григоріемъ, не долго жилъ послѣ крещенія. На Пасху онъ простудился и на третій день скончался.—Царство тебѣ небесное, добрый отрокъ!

Черезъ недѣлю послѣ крещенія Григорія я поѣхалъ въ Убинскій поселокъ. Мнѣ давно передавали, что тамъ трое киргизовъ желаютъ креститься, но не было времени съѣздить туда. По пріѣздѣ въ Убинскій я узналъ, что двое уже раздумали креститься, ихъ разстроили киргизы; и что желающихъ креститься было человекъ десять: сюда въ концѣ января пріѣзжалъ Буконскій миссіонеръ о. Ефремъ Елисѣевъ, проповѣдь котораго сильно подѣйствовала на киргизовъ. Всѣ слушатели его, посовѣтывавшись между собою, порѣшили креститься; пошли къ о. миссіонеру, но не застали: не задолго до ихъ прихода онъ уѣхалъ. Тогда трое изъ нихъ наняли лошадей и поѣхали въ догонку за о. Ефремомъ. Къ несчастію, на ближайшей станціи они уже не застали его и возвратились домой. Одинъ-то изъ этихъ троихъ,

несмотря на отговоры и угрозы своихъ единоплеменниковъ, не оставилъ намѣренія креститься. Любопытно, всѣ желающіе креститься начинаютъ съ того, что отращиваютъ себѣ волосы, желая походить на русскаго. Такъ сдѣлалъ и Акынъ Джанталасовъ. Родичи замѣтили эту ересь и насильно обрили ему голову: четыре человекъ держали его, а торгующій въ Убинскомъ татаринъ брилъ голову.

Киргизы какъ-то догадались о цѣли нашего пріѣзда и слѣдили за Акыномъ. Послѣдній обѣщался придти къ намъ вечеромъ, лишь только стемнѣетъ; но долго не приходилъ. Часовъ въ 9 вечера мы дали знать атаману изъ опасенія, какъ бы киргизы не сдѣлали чего нибудь дурнаго Акыну. Атаманъ подошелъ во-время: уже сдѣлали лошадей, чтобы увести бѣднаго Акына въ степь. Онъ потребовалъ Акына ко мнѣ, но киргизы не отпускали его. Къ счастью, атаманъ взялъ съ собою сильнаго казака, который остался и удерживалъ киргизовъ, а онъ съ Акыномъ, сильно запыхавшись, прибѣжалъ ко мнѣ. Едва они вбѣжали въ домъ, какъ большая толпа киргизовъ окружила домъ священника, въ которомъ я остановился, и подняла страшный вой. Мать его въ знакъ сильнаго горя, царапала себѣ руками лицо ¹⁾). Атаману пришлось пригласить еще нѣсколько человекъ казаковъ, которые удалили толпу. Оставить Акына некрещенымъ и готовить ко крещенію значило бы подвергнуть его опаснымъ случайностямъ. Обыкновенно полагается готовить магометанъ ко крещенію въ теченіи 40 дней. Относительно истинныхъ, настоящихъ магометанъ такой срокъ дѣйствительно имѣетъ смыслъ; но Акынъ, какъ и многіе ему подобные, былъ по своимъ религіознымъ понятіямъ скорѣе язычникъ, и только считался магометаниномъ. Поэтому я рѣшилъ окрестить Акына на другой же день, а потомъ увезти его въ Шульбу и обучать молитвамъ. Такъ мы и сдѣлали. Акынъ нареченъ былъ во св. крещеніи Михаиломъ. Онъ пробылъ въ Шульбѣ недѣлю, потомъ вернулся въ Убинскій. Замѣчательно, какъ встрѣтила его мать:

¹⁾ У киргизовъ есть обичай царапать себѣ лицо, въ знакъ какого-нибудь горя, напримѣръ, въ случаѣ смерти родственниковъ.

„Ну, ты теперь сталъ русскимъ ¹⁾); смотри же, соблюдай русскую вѣру, ходи въ церковь, молись Богу“.

Съ татаринѣмъ, который брилъ голову Михаилу, произошла цѣлая исторія, и весьма плачевная. Нѣсколько дней спустя послѣ крещенія Михаила я увидалъ Сулеймана Султанова, такъ зовутъ этого татарина, въ Шульбѣ и пригрозилъ ему, чтобы онъ не производилъ подобныхъ операций надъ желающими креститься киргизами, иначе можетъ пострадать. Татары, благодаря своему религіозному вліянію на киргизовъ, вообще являются врагами миссіи; а въ данномъ случаѣ эта вражда выразилась очень активно. По этому сначала я хотѣлъ было обратить вниманіе властей на Султанова, потомъ раздумалъ. Только недѣли черезъ двѣ вдругъ Султановъ самъ является ко мнѣ — и зачѣмъ же? съ просьбой окрестить его, и окрестить поскорѣе! Я рѣшительно отказался скоро крестить его, объяснивъ, что ему нужно учиться шесть недѣль, чтобы совершенно уничтожить въ душѣ малѣйшіе остатки ислама. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что онъ хотѣлъ непосредственно послѣ крещенія повѣнчаться съ одной киргизкой, женой его хорошаго знакомаго, съ которой находился два года въ незаконной связи. Въ послѣднемъ я рѣшительно отказалъ; окрестить черезъ шесть недѣль обѣщалъ, но повѣнчать отказался. Тогда Султановъ отказался креститься. Но онъ не уходилъ отъ меня, что-то медлил и наконецъ спросилъ: „Что мнѣ будетъ за то, что я брилъ голову Михаилу?“ — „Если жаловаться, то плохо будетъ, могутъ наказать“. — „А ты жаловаться на меня будешь?“ — Вопросъ этотъ Султановъ предложилъ мнѣ нѣсколько разъ. Я, псаломщикъ, мой келейникъ киргизенокъ говорили ему по русски и по киргизски, что жаловаться на него не будемъ. Успокоившись онъ уѣхалъ обратно въ Убинскій.

Разговоръ этотъ происходилъ на 3-й день Пасхи, 30 марта. 2-го апрѣля я опять пріѣхалъ въ Убинскій и съ ужасомъ узналъ, что бѣднаго Султанова зарѣзали. Несчастный былъ живъ цѣлыхъ

¹⁾ Креститься въ глазахъ киргизовъ значить „сдѣлаться русскимъ“, по этому новокрещенныхъ они уже не называютъ „киргизамъ“, а русскими.

полтора дня!... Рана была нанесена въ животъ. Его зарѣзалъ мужъ той самой киргизки, съ которой онъ хотѣлъ окреститься и повѣчаться. — Впрочемъ это убійство загадочное, и мнѣ не извѣстно, какъ его объяснила судебная власть.

(Продолженіе будетъ).

Миссіонеръ іеромонахъ Сергій.

Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Казанскаго края.

Мамадышскій уѣздъ, Казанской губерніи, съ котораго въ 1862 году Н. И. Ильминскимъ было начато христіанское просвѣщеніе инородцевъ, относится къ числу уѣздовъ, имѣющихъ инородческое населеніе преобладающимъ. Такъ по свѣдѣніямъ за 1891 г., изъ числа наличныхъ жителей уѣзда 185,957 д. об. пола, было 45,291 д. об. пола русскихъ и 140,666 д. об. пола инородцевъ, состоящихъ изъ татаръ-магометанъ (115,306 д. об. пола), крещеныхъ татаръ, вотяковъ и черемисъ—крещеныхъ и некрещеныхъ. Обративъ же вниманіе на распредѣленіе этого населенія по волостямъ, замѣтимъ, что инородцы проживаютъ во всѣхъ волостяхъ уѣзда, что же касается русскихъ, то въ нѣкоторыхъ волостяхъ они вовсе не живутъ (напр. въ Букмышской), или же число ихъ не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ душъ обоого пола (Сатышевская, Староюмьинская) ¹⁾.

Такъ какъ, въ историческихъ очеркахъ развитія христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, Мамадышскій уѣздъ долженъ занять первенствующее мѣсто, то мы позволяемъ себѣ, для болѣе нагляднаго представленія о постепенномъ распространеніи въ немъ просвѣщенія, привести здѣсь возможно подробныя историческія и статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи тѣмъ болѣе, что мы уже имѣли случай собирать такія свѣдѣнія въ семидесятихъ годахъ для составленія этнографической карты Мамадышскаго

¹⁾ Памятная книжка Казанской губерніи за 1891—92 годъ, стр. 14. „Свѣдѣнія о волостяхъ“.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣтѣше
нхъ во имя Оца ѿ Бѣна и Бѣаго Дѣха.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО
ОБЩЕСТВА,

1894.

Годъ второй.

ТОМЪ I.

№ 3

ФЕВРАЛЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФИИ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1894.

Х. Многочисленность бурятъ — идолопоклонниковъ Забайкальской области, разбросанность ихъ кочевьевъ на огромныхъ пространствахъ, неудобство путей сообщенія и крайнее затрудненіе въ полученіи лошадей въ посѣщаемыхъ улусахъ — все это такія препятствія, которыя требуютъ чрезвычайно много времени отъ миссіонера. Каждому миссіонеру, для полнаго объѣзда своего района, имѣя въ виду при этомъ посѣтить каждую юрту, требуется не менѣе года.

ХІ. Сплоченность бурятъ подѣ властію языческаго начальства въ административномъ отношеніи, ибо въ думахъ Хоринской, Агинской и Селенгинской тайшами и помощниками ихъ, — и родовыми головами выбираются всегда фанатики язычники, дѣлаютъ невыносимымъ положеніе новокрещенныхъ, что конечно не можетъ не удерживать язычниковъ отъ крещенія.

ХІІ. Малочисленность миссіонеровъ и необезпеченность ихъ въ матеріальномъ отношеніи дѣлаетъ ихъ безсильными въ борьбѣ съ многочисленнымъ и богатымъ ламствомъ.

ХІІІ. Малочисленность миссіонерскихъ становъ и крайне бѣдная обстановка ихъ также должны быть поставлены въ числѣ причинъ безуспѣшности миссіонерскаго дѣла; при миссіонерскихъ станахъ нѣтъ ни богадѣленъ, ни аптекъ, ни общежитій для учениковъ при школахъ, ни библіотекъ, словомъ, нѣтъ никакихъ средствъ, пользуясь которыми миссіонеры могли-бы увеличить свое вліяніе на инородцевъ — язычниковъ.

Записки Шульбинскаго миссіонера іеромонаха Сергія за 1893-й годъ ¹⁾).

Первую половину апрѣля я прожилъ дома. Въ степь къ киргизамъ нельзя было ѣхать, такъ какъ еще не была устроена переправа черезъ Иртышъ. Но въ это время я узналъ, что много киргизовъ кочуетъ въ Бійскомъ округѣ, верстахъ въ 50-ти на востокъ отъ Шульбы по р.р. Солоновкѣ и Ренкамъ. Я собирался

¹⁾ Продолженіе. См. № 2 „Прав. Благов.“, стр. 51—59.

отправиться туда, но получилъ извѣстіе, что въ Семипалатинскѣ ѣдетъ изъ Томска Преосвященнѣйшій Макарій. Тогда я поспѣшилъ на встрѣчу Преосвященному и имѣлъ счастье встрѣтить Владыку за 80 верстъ, не доѣзжая Семипалатинска. Часть киргизскихъ о.о. миссіонеровъ ожидали его въ Семипалатинскѣ.

Владыка внимательно спрашивалъ всѣхъ насъ о веденіи миссіонерскаго дѣла, при этомъ давалъ намъ мудрыя наставленія и указанія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ, въ бытность его начальникомъ Алтайской миссіи. Въ Шульбу, гдѣ ожидали прибытія Владыки всѣ киргизскіе миссіонеры, онъ прибылъ 27 апрѣля, передъ закатомъ солнца. День этотъ навсегда будетъ памятенъ и намъ Шульбинцамъ, и многимъ пріѣзжимъ изъ сосѣднихъ деревень, которые удостоились присутствовать за архіерейскимъ служеніемъ, дотолѣ здѣсь не виданномъ. Всенощное бдѣніе совершалъ самъ Архипастырь на площади передъ церковью, подъ открытымъ небомъ. Пасхальныя пѣснопѣнія, прекрасно исполненныя архіерейскими пѣвчими, производили умилительное впечатлѣніе. Богослуженіе окончилось поздно, когда въ ясномъ весеннемъ небѣ стали зажигаться вѣчные свѣтильники ночи.

Вечеромъ, за чайнымъ столомъ мы всѣ, какъ дѣти собрались около Архипастыря нашего и насладились простой сердечной бесѣдой его. На другой день, послѣ Божественной литургіи, Преосвященный отбылъ дальше. Я поѣхалъ провожать Владыку до Устькаменогорска и 2-го мая простился съ нимъ въ селѣ Бобровкѣ.

Будучи въ Устькаменогорскѣ я рѣшилъ обозрѣть станы Буконскій и Большенаарымскій, чтобы больше сюда не возвращаться и остальное время посвятить поѣздкамъ по степи съ проповѣдью слова Божія. 9-го мая въ Букони храмовой праздникъ, я служилъ тамъ Божественную литургію. Въ день Пятидесятницы служилъ въ Большенаарымскомъ станѣ. Оттуда я поѣхалъ обратно. Мой путь лежалъ черезъ Зыряновскій рудникъ. Здѣсь работаетъ очень много киргизовъ, поэтому хорошо было бы имѣть здѣсь миссіонера или сотрудника миссіи.

Въ Шульбу я возвратился въ концѣ мая. 7-го іюня я хотѣлъ выѣхать къ киргизамъ сосѣдней Арчалинской волости, но рано

утромъ получилъ записку отъ г. Семипалатинскаго уѣзднаго начальника, въ которой меня приглашали пріѣхать въ новообразовавшуюся деревню Карповку. Эта деревня находится верстахъ въ 50 отъ Шульбы, на р. Чарѣ. Она населена російскими переселенцами, которыхъ казаки называютъ однимъ прилагательнымъ: російскіе, а киргизы, любящіе все говорить въ сокращенномъ видѣ, „Россіей“.

Мы выѣхали сравнительно рано, послѣ утренняго чая. Я въ первый разъ переѣзжалъ Иртышъ. Еще не такъ давно это была граница между русскими и киргизскими владѣніями. И теперь всѣ усвоили отъ стариковъ привычку говорить: ѣхать за-границу; это значить ѣхать за Иртышъ, къ киргизамъ. Поэтому на переправѣ русскіе спрашивали меня: „Вы, батюшка, ѣдете за-границу“? Я уже привыкъ къ этому и отвѣчалъ: „да“. А когда мы переѣхали Иртышъ, то попадавшіеся намъ на пути киргизы, которые уже узнали, что меня приглашали къ переселенцамъ, спрашивали такъ: „Вы ѣдете въ Россію?“ И на этотъ вопросъ, не опасаясь впасть въ противорѣчіе, мы отвѣчали утвердительно!

По пути въ Карповку заѣзжали къ кочующимъ по Чару киргизамъ. Первый аулъ, въ которомъ мы остановились, принадлежалъ богатому киргизу Молдобаю. Самого хозяина не было дома, уѣхалъ на съѣздъ; туда же отправились почти всѣ мужчины, въ аулѣ остались женщины и дѣти. По своему обыкновенію, онѣ разспросили меня: кто я, откуда, зачѣмъ пріѣхалъ и т. д. Узнали, что я не имѣю жены. — Почему же ты не женишься?—Потому, что желаю всецѣло посвятить себя на служеніе Богу. Въ одной изъ нашихъ священныхъ книгъ сказано: человѣкъ не женатый заботится о томъ, какъ угодить Господу. А у человѣка женатаго, сами знаете, много заботъ: кормить и одѣвать семейство, воспитывать дѣтей, и т. п.

— Ахъ, какъ это хорошо! отвѣтили мои слушатели и слушательницы, вѣроятно впервые услыхавшіе о добровольномъ безбрачій съ такою цѣлью. Ты вѣрно, истинно говоришь. Лучше служить одному Богу, повторили они.

При этомъ они при мнѣ же начали объяснять другъ другу мои слова. Но одинъ старикъ оказался находчивымъ и возразилъ

мнѣ: „За то ты уже не будешь поставлять Царю слугъ?“ Я ему отвѣтилъ:

— У нашего Царя больше 100 милліоновъ подданныхъ, и если я не буду поставлять слугъ, то отъ этого урона не будетъ. Вотъ, напримѣръ, у васъ много рождается дѣтей, а какую службу Царю несутъ они? Притомъ служба Царю можетъ выражаться въ самыхъ разнообразнѣйшихъ видахъ. Развѣ это не служба, если я, предпочтительно предъ другими, буду молиться Богу за Царя?— *Ойбай, айбат сѳз*. (Ахъ, прекрасное слово)! Вѣрно, истинно ты говоришь,—повторяли мнѣ впечатлительные киргизы.

Въ такомъ родѣ мы не мало бесѣдовали съ ними. Къ вечеру того же дня пріѣхали въ Карповку. Я еще зимою слыхалъ, что Карповка представляетъ изъ себя семь бѣдныхъ землянокъ. Поэтому я былъ пріятно удивленъ, когда увидалъ чистыя малороссійскія мазанки (переселенцы почти всѣ изъ Полтавской губерніи). Я остановился у крестьянина, котораго зовутъ Трофимъ Кешкаръ; возлѣ его дома собралось все общество и встрѣтило меня съ хлѣбомъ-солью. Всѣ очень обрадовались пріѣзду батюшки, такъ какъ больше года не видѣли священника. Мнѣ отрадно было слышать въ этой пустынѣ своеобразную малороссійскую рѣчь, отрадно было видѣть родныя русскія лица. Поэтому я растроганъ былъ не менѣе добрыхъ хохловъ. По ихъ просьбѣ, я служилъ молебны, освятилъ дома, колодцы; служили молебень на пашнѣ. Все это заняло весь слѣдующій день. На третій день я уѣхалъ изъ Карповки.

Въ это время былъ сѣздъ киргизовъ Арчалинской волости на р. Кызылъ-су. Тамъ былъ г. уѣздный начальникъ, М. П. Казанцевъ, который зналъ о моемъ намѣреніи пріѣхать на сѣздъ. Почтенный Михаилъ Ивановичъ желалъ устроить мнѣ передъ киргизами торжественную встрѣчу, поэтому послалъ впередъ двоихъ киргизовъ, чтобы они немедленно дали знать, когда увидятъ мой тарантасъ. Но посланные отъѣхали съ версту за пригорокъ, забрались въ кусты, отлично выпались и возвратились уже послѣ моего пріѣзда. По распоряженію Михаила Ивановича, для меня была поставлена прекрасная юрта, вышитая узорами снаружи и богато украшенная коврами внутри.

Я пріѣхалъ къ концу выборовъ, успѣлъ завести знакомство со многими киргизами. Арчалинскіе киргизы, имѣющіе родоначальникомъ Кирея и называющіеся поэтому киреевцами, отличаются необыкновенно мирнымъ характеромъ, и выборы прошли у нихъ очень спокойно. Другое дѣло—Дельбегстейскіе киргизы, или, по родоначальнику, Матаевцы, которые славятся своимъ воровствомъ на всю окрестность. Ихъ выборы отличались бурнымъ характеромъ, ссоры и драки были почти каждый день. Кромѣ того, выборы отличались большимъ многочисленіемъ, сравнительно съ Арчалинскими, такъ какъ пріѣхало съ жалобами чело-вѣкъ 500 киргизовъ и русскихъ, которые были обижены матаевцами. Окончанія выборовъ я такъ и не дождался.

Въ это время я былъ обрадованъ совершенно нечаянной встрѣчей съ Буконскимъ миссіонеромъ о. Ефремомъ Елисеевымъ. Велико было мое удивленіе видѣть о. Ефрема такъ далеко въ степи. Я былъ въ первый разъ въ степи, и мнѣ казалось, что я заѣхалъ далеко въ глушь. На самомъ дѣлѣ мы были верстахъ въ 80-ти отъ Шульбы; а отъ Букони были дѣйствительно далеко; по прямому направленію приблизительно около 200 верстъ. Мы вмѣстѣ поѣхали къ киргизамъ Чарской волости и на другой день разстались въ волостномъ домѣ. О. Ефремъ поѣхалъ домой, а я изъ волостнаго дома переѣхалъ въ аулъ и помѣстился въ особо выставленной для меня юртѣ. Аулъ этотъ принадлежалъ бію Садуэку. Вечеромъ, послѣ намаза, въ нашу юрту пришло много киргизовъ. Мы разговорились о молитвѣ. Я доказывалъ киргизамъ, что они напрасно молятся, такъ какъ значенія молитвъ, изложенныхъ по-арабски, не понимаютъ. Я спросилъ, знаетъ ли кто нибудь, что значитъ самое общеупотребительное воззваніе *Аллагы экберъ*? Во всей юртѣ не нашлось ни одного, кто бы зналъ это. Тогда я перевелъ это изреченіе на киргизскій языкъ, оказалось къ удовольствію и удивленію киргизовъ, что *Аллагы экберъ* значитъ: великъ Богъ. — Хотя вы теперь знаете, что значитъ это воззваніе, но частое употребленіе его все же не принесетъ вамъ пользы. Величіе Божіе и бѣсамъ извѣстно, а что изъ этого? Вотъ мы, русскіе, постоянно просимъ у Господа прощенія грѣховъ нашихъ, или воздаемъ славу Богу за Его

безчисленные милости къ намъ, т. е. часто говоримъ: Господи помилуй, слава Богу. Также передъ началомъ каждаго дѣла мы испрашиваемъ благословенія Божія, говоримъ: Господи, благослови.

Мои слова всѣ выслушали со вниманіемъ и одобреніемъ. Потомъ стали просить меня, чтобы я перевелъ еще кое-какія молитвы съ арабскаго. Я перевелъ, что зналъ, и это привело моихъ слушателей въ совершенный восторгъ. Не смотря на то, что я настойчиво говорилъ о своемъ незнаніи арабскаго языка, они возымѣли самое высокое мнѣніе о моихъ познаніяхъ уже въ цѣлой наукѣ магометанской! Это, впрочемъ, имѣло свои хорошія послѣдствія, такъ какъ мои слушатели относились уже съ большимъ вниманіемъ къ моей послѣдующей рѣчи. Вскорѣ я сталъ читать о рождествѣ І. Христа по Евангелію отъ Луки; тотчасъ же водворилась глубокая тишина, изрѣдка нарушаемая слабыми возгласами, служившими выраженіемъ благоговѣйнаго вниманія. Потомъ говорили о крещеніи І. Христа, Котораго мусульмане считаютъ величайшимъ пророкомъ, святымъ; я объяснилъ, что Христосъ показалъ намъ этимъ примѣръ и установилъ таинство крещенія и велѣлъ креститься всему міру. Говорилъ о значеніи таинства крещенія. По Евангелію читалъ о чудесахъ и ученіи І. Христа и объяснялъ прочитанное. Такъ мы пробесѣдовали почти до полуночи.

17-го іюня я выѣхалъ изъ предѣловъ Чарской волости и направилъ путь къ киргизамъ Сулусаринской и Аиртавской волостей. Здѣсь я заѣзжалъ на золотой пріискъ Г. Брюханова. На этомъ пріискѣ работало семейство крещеныхъ киргизовъ, состоящее изъ трехъ человѣкъ: мужа, жены и 17-лѣтняго сына. Всѣ они живутъ по-мусульмански, а послѣдній даже не зналъ, что онъ крещенъ!... За отступленіе отъ православія, они были судимы и штрафованы, но опять отпали въ магометанство. Хозяинъ пріиска А. К. Брюхановъ говорилъ намъ, что крещенному киргизу невозможно жить въ степи среди соотечественниковъ-магометанъ и быть вѣрнымъ православію: изведутъ. При этомъ Г. Брюхановъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай.

„Лѣтъ семь тому назадъ я ѣхалъ изъ Кокпектово на одинъ изъ своихъ пріисковъ на Курчумъ (правый притокъ Иртыша).

Не доѣзжая верстъ 8—9 до Мечети ¹⁾, мы своротили съ дороги къ рѣкѣ напиться чаю. Въ это время у жителей Мечети былъ покосъ; косили татары и киргизы. Я пошелъ по некошенной травѣ и вдругъ увидалъ человѣческій скелетъ,—здѣсь же, рядомъ съ покосомъ! Скелетъ совершенно цѣлый, нетронутый. Косившіе не могли не видѣть его. На мой вопросъ объ этомъ отвѣтили: мало ли костей валяется по степи? Что это за скелетъ—я узнать уже послѣ и совершенно случайно отъ своего работника-киргиза. Послѣдній въ то время закусывалъ вмѣстѣ съ косарями-киргизами, которые спросили его: „знаешь, чей это скелетъ?“—„Нѣтъ“.—„Это *чокунчи* ²⁾“, крестился въ Букони. Татары здѣшніе убили его и нарочно бросили: пусть-де останется безъ погребенія, какъ собака, чтобы другіе не крестились“.—„Потомъ, продолжалъ Г. Брюхановъ, на обратномъ пути я ѣхалъ черезъ Буконь и зашелъ навѣстить миссіонера о. Филарета Синьковскаго ³⁾. О. Филаретъ между прочимъ жаловался мнѣ, что новокрещенные убѣгають въ степь, и нѣкоторые изъ нихъ пропадаютъ безслѣдно. Я зналъ, куда пропадаютъ новокрещенные (быть можетъ не одинъ палецъ подъ ножомъ татарина), но, не желая смущать о. миссіонера, умолчалъ объ исторіи со скелетомъ“.—

Такъ закончилъ свой разсказъ А. К. Брюхановъ. Я вполнѣ вѣрю, что это было дѣйствительно такъ. Вѣрю во 1-хъ потому, что самимъ Кораномъ освящаются такого рода убійства, (IX гл. ст. 5 и др.); вѣрю, во 2-хъ потому, что степные татары, или, какъ официально называютъ ихъ, чело-казаки, народъ очень не благонадежный. Это большею частію бѣглые острожники и солдаты; они собраны были со степи и поселены отдѣльными деревнями. Этихъ татаръ приписали къ киргизамъ; они поженились на киргизкахъ,—и получились *челоказаки*, буквально: смѣсь съ киргизами, полукиргизы. Очень многіе не попали въ деревни и остались въ степи среди киргизовъ, что хорошо извѣстно уѣздной и областной администраціи. Мнѣ не разъ приходилось видѣть ихъ въ степи. Лицомъ они совершенно не похожи на киргизовъ,

1) Татарская деревня на р. Букони, не далеко отъ Иртыша.

2) Такъ наши магомтаны называютъ въ насмѣшку новокрещенныхъ.

3) Нынѣ Преосвященный Владиміръ, Епископъ Владикавказскій.

рѣчь вполне изобличаетъ татаръ, и даже выправка чисто солдатская: стоять какъ-то навтыжку, по военному, какъ никогда не сѣмѣетъ настоящій, не уклюжій киргизъ; на ваши вопросы отвѣчаютъ также ни похуже на киргиза.

Мнѣ очень хотѣлось розыскать того работника Г. Брюханова, съ которымъ они видѣли тогда скелетъ, чтобы найти это мѣсто (киргизы очень примѣтливы и долго помнятъ извѣстную мѣстность) и предать кости христіанскому погребенію. Но работникъ вскорѣ расчитался, а имени его Г. Брюхановъ не помнитъ.

И такъ у насъ уже есть мученики, пролита кровь христіанская. А убитый, несомнѣнно, былъ твердъ въ христіанствѣ, иначе бы остался живъ: стоило ему только отречься, позволить снять съ себя крестъ и обрить голову. Такихъ вѣроотступниковъ не убиваютъ, и дѣйствительно ихъ не мало живетъ въ степи.

При описаніи этой поѣздки по степи считаю нужнымъ кратко упомянуть еще о пребываніи моемъ въ аулѣ Джартасовъ на Тугульбулакѣ. Мы здѣсь предполагали только переночевать — и утромъ уѣхать дальше; но насъ, въ теченіи всего вечера, съ такимъ интересомъ и участіемъ слушали, что мы прожили здѣсь два дня. На другой день, рано утромъ, мы еще спали, а киргизы уже пришли и терпѣливо ожидали возлѣ юрты нашего пробужденія, и потомъ просили почитать имъ изъ нашихъ книжекъ. Читалъ я имъ такъ много, что усталъ и передалъ книжку толмачу. Во время остановокъ мы давали объясненія на многочисленные вопросы слушателей по поводу прочитаннаго, такъ что эти перерывы служили нѣкотораго рода отдыхомъ, и все-таки мой толмачъ усталъ и передалъ книжку моему ямщику, грамотному Шульбинскому казаку, умѣющему читать по-киргизски. Такъ мы провели два дня, по очереди читая и бесѣдуя съ любознательными киргизами. Они проводили насъ съ благодарностью за посѣщеніе и съ сожалѣніемъ, что не могли ни чѣмъ угостить насъ (былъ постъ, а у киргизовъ кромѣ мяса и молока ничего нѣтъ). Приглашали еще пріѣхать.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщаще
ихъ во имя Оца ѿ Сына и Свѣтаго Дѣха.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подѣ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго
Величества Государыни Императрицы Православнаго Миссіонерскаго
Общества,

1894.

Годъ второй.

ТОМЪ I.

№ 4

ФЕВРАЛЬ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФИЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1894.

Записки Шульбинскаго миссіонера іеромонаха Сергія за 1893-й годъ ¹⁾).

21-го іюня я возвратился въ Шульбу и вскорѣ получилъ телеграмму, которой начальникъ миссій, Пресвященнѣйшій Владиміръ, приглашалъ меня поторопиться пріѣхать въ Бійскъ. 29-го іюня, въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла, послѣ Божественной литургіи я выѣхалъ въ Бійскъ. Еще не доѣзжая до Бійска, я узналъ, что Пресвященный Владиміръ переводится во Владикавказъ. Эта новость не была неожиданностью, такъ какъ состояніе здоровья Его Пресвященства заставляло насъ опасаться, что Владыка не долго будетъ стоять во главѣ нашихъ миссій. Проводить Владыку собрались ближайшіе къ Бійску алтайскіе оо. миссіонеры. 4-го іюля мы проводили Владыку съ чувствомъ сердечнаго сожалѣнія и молитвенными благопожеланіями. Здѣсь я имѣлъ честь возобновить знакомство съ его сіятельствомъ княземъ Г. С. Голицынымъ, проѣзжавшимъ черезъ Бійскъ на Алтай. Въ архіерейскомъ саду пили чай, въ это время зашла рѣчь о вредномъ вліяніи татаръ на инородцевъ. Его сіятельство изволилъ сообщить, что, въ бытность свою Уральскимъ губернаторомъ, онъ ни одного татарина не допускалъ въ степь къ киргизамъ. Хорошо бы, еслибы и въ здѣшнюю степь не пускали татаръ!

По возвращеніи въ Шульбу, я опять отправился въ степь, доѣхалъ до Уланской волости. Отсюда мнѣ пришлось заѣхать въ Устькаменогорскъ. Здѣсь я имѣлъ продолжительную бесѣду съ городскимъ муллою. Этотъ мулла очень хорошій, гостепріимный человѣкъ. Меня онъ всегда радушно принимаетъ, поэтому

¹⁾ Окончаніе. См. № 3 „Прав. Благов.“, стр. 98—105.

я съ удовольствіемъ бываю у него. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ предложилъ мнѣ рядъ слѣдующихъ вопросовъ:

1. Богъ не бываетъ человѣкомъ и человѣкъ не бываетъ Богомъ. Какъ же вы говорите, что Иисусъ Христосъ былъ Богъ?

2. Если такъ, то какимъ образомъ Іудеи убили Бога?

3. Вы говорите: это—тайна, которой понять нельзя. Какъ же вы вѣрите, если не только не понимаете, но и не можете понять?

Чтобы отвѣтить на эти капитальные вопросы, нужно было бы прочесть почтенному муллѣ обстоятельную лекцію по догматикѣ и философіи (объ отношеніи между знаніемъ и вѣрою). Разговоръ происходилъ на киргизскомъ языкѣ (по-русски мулла не знаетъ). Я сразу почувствовалъ затрудненіе, когда мнѣ нужно было передать по-киргизски слѣдующіе богословскіе термины: ипостась, воплощеніе, искупленіе, естество, и др. Могъ ли оказать мнѣ помощь полуобразованный мой толмачъ?! Поэтому много времени ушло на объясненіе этихъ понятій. При этомъ мулла часто перерывалъ мою рѣчь новыми возраженіями, которыя длились очень по-долгу. Я вынужденъ былъ взять карандашъ и бумагу, записывали извѣстный вопросъ и только о немъ говорили. Но и это не помогло; мулла постоянно перебивалъ мою рѣчь, чѣмъ даже разсердилъ меня. Нашъ разговоръ ни къ чему не привелъ, т. е. мои разъясненія не разсѣяли его сомнѣній, мулла „остался при своемъ мнѣніи“.

Укажу еще на одинъ тезисъ муллы. Онъ говорилъ, что Коранъ выше Евангелія, служить болѣе чистымъ выраженіемъ воли Божества, какъ Его непосредственное откровеніе; Евангеліе же написано четырьмя евангелистами, изъ которыхъ двое даже не были ближайшими учениками Иисуса Христа, притомъ написано по вознесеніи Его на небо. Мною было сказано все, что нужно было сказать по этому поводу.

Разсказалъ намъ мулла вычитанное имъ изъ *Тарджимани* (татарская газета въ Бахчисараѣ) извѣстіе, будто бы одинъ греческій адмиралъ перешелъ въ магометанство. Адмиралъ этотъ будто бы не *бей-намазъ*, не атеистъ какой нибудь, а человѣкъ вѣрующій и принялъ исламъ по убѣжденію. Объ этомъ мнѣ

приходилось слышать въ первый разъ. Но въ прошломъ году я самъ читалъ подобное извѣстіе, что въ Константинополѣ одинъ англійскій миссіонеръ перешелъ въ магометанство. Когда я прочиталъ это, то газету сжегъ изъ опасенія, какъ бы кто изъ русскихъ не прочиталъ и не сказалъ киргизамъ. Не прошло года послѣ этого, познакомился я въ Семипалатинскѣ съ однимъ киргизомъ, который рассказалъ мнѣ подробную исторію этого миссіонера, прочитанную имъ въ одной турецкой брошюрѣ, посвященной специально этому злосчастному миссіонеру!...

Прощаясь съ муллою, я спросилъ, какъ онъ смотритъ на то, что мы крестимъ киргизовъ. Я поспѣшилъ предупредить его, что джатаки, которыхъ мы по преимуществу крестимъ, не имѣютъ никакой вѣры; а если и пріѣзжаютъ со степи полумусульманами, то среди русскихъ забываютъ то, что знали. Поэтому живущимъ среди русскихъ лучше исповѣдывать русскую вѣру, поклоняться единому Богу.

— Нѣтъ, отвѣтилъ мулла, кто почитаетъ Магомета, тому не слѣдуетъ креститься.

— Да они больше почитаютъ святителя Николая, чѣмъ Магомета, возразилъ я.

— Какого это святителя Николая!

— Вотъ видишь, ты не знаешь, кто святитель Николай. А спроси джатаковъ, рѣдкій не знаетъ.

— Всежь-таки имъ не слѣдуетъ креститься, отвѣчалъ неноколебимый мулла.

Послѣ этого мы простились.

Въ Шульбу я возвратился въ концѣ іюля. Весь августъ у меня прошелъ въ поѣздкахъ. Въ началѣ августа я ѣздилъ освящать церковь въ Долонскомъ станѣ. Потомъ ѣздилъ крестить киргиза въ село Секисовское. Во второй половинѣ августа ѣздилъ въ деревню Топольную производить дознаніе по дѣлу о совращеніи татарскимъ муллою православной русской дѣвушки въ магометанство.

Въ половинѣ сентября ѣздилъ въ степь, доѣзжалъ до новой деревни Георгіевской, верстъ 150 отъ Шульбы. Эта деревня точно выросла изъ земли въ какой нибудь мѣсяцъ. Въ концѣ

іюля здѣсь была голая степь, а теперь большая и многолюдная деревня. Всѣ дома построены изъ дерна, за неимѣніемъ лѣса. На обратномъ пути мы захватили съ собою трехъ бѣглыхъ новокрещенныхъ съ ребенкомъ, скрывавшихся въ одномъ аулѣ Чарской волости. При этомъ старшина, вмѣсто того, чтобы помогать намъ, тайно разстраивалъ новокрещенныхъ, чтобы не уѣзжали со мною. Жители же того аула очень испугались, что скрывали у себя новокрещенныхъ и просили толмача уговорить меня не жаловаться на нихъ за это, и на будущее время общались не принимать къ себѣ такихъ бѣглецовъ.—Мнѣ говорили сами киргизы, что не мало крещеныхъ живутъ по-мусульмански въ Чарской и другихъ волостяхъ Усть-Каменогорскаго уѣзда. Впрочемъ, мнѣ отовсюду приходится слышать, что такихъ много не только за Иртышемъ, но и среди русскихъ, въ округахъ Бійскомъ, Барнаульскомъ и въ уѣздахъ Семипалатинскомъ и Усть-Каменогорскомъ. Большою частію всѣ такіе крещены въ Черномъ Ануѣ. Въ самой Шульбѣ мнѣ показывали нѣсколько чловѣкъ киргизовъ, которые крещены младенцами; но такъ какъ родители ихъ давно уклонились въ магометанство, то они и не знаютъ о томъ, что крещены. Можно бы предпринять по этому дѣлу громадное слѣдствіе для розысканія заблудшихъ овецъ.

Въ началѣ октября я окрестилъ семь чловѣкъ киргизовъ, въ числѣ коихъ было одно семейство, живущее въ деревнѣ Бородулихъ и состоящее изъ четырехъ душъ (мать и трое дѣтей)—первое семейство, которое мнѣ пришлось крестить. Въ то же время крестился живущій у меня въ услуженіи киргизенокъ Балабай. Послѣдній изъ яраго мусульманина, какимъ былъ не такъ давно, сдѣлался очень усерднымъ христіаниномъ. О намѣреніи Бородулинскаго семейства киргизовъ креститься я слышалъ еще въ началѣ апрѣля и ждалъ, когда меня позовутъ. Въ концѣ сентября пріѣзжали ко мнѣ Бородулинскіе крестьяне и, между прочимъ, сообщили, что сама мать нездорова, и обѣщается тотчасъ же, по выздоровленіи, креститься. Наконецъ, въ началѣ сентября, я получилъ отъ Жерновскаго священника письмо, которымъ меня приглашали поспѣшить пріѣхать: сами киргизы просили, чтобы ихъ поскорѣе окрестить. Я тотчасъ же поѣхалъ

въ Бородулиху вмѣстѣ съ Жерновскимъ священникомъ о. Ѳеодоромъ Олеровымъ. Дорогой о. Ѳеодоръ рассказывалъ мнѣ, что въ послѣдній прїѣздъ свой въ Бородулиху видѣлъ дѣвочку изъ этого семейства, которая Богу молится по-русски, хотя не крещеная: настолько это семейство обрусѣло. Киргизка Чоко, — такъ звали мать этого семейства, — заявила намъ, что они люди бѣдные и имъ не на что прїобрѣсти русскіе костюмы; а если останутся въ прежнихъ, по принятіи крещенія, то киргизы будутъ-де смѣяться. Это было справедливо, но въ тоже время говорило о страсти киргизовъ къ попрошайству. Добрые крестьяне, пожелавшіе быть воспріемниками, обѣщали дать ей все, что нужно. Но въ это время старшій сынъ ея сталъ обнаруживать какое-то непонятное намъ колебаніе. Онъ говорилъ: пусть они, (т. е. мать и братъ съ сестрой), крестятся, а я — послѣ. Но матери непремѣнно хотѣлось, чтобы крестились всѣ вмѣстѣ. Оказалось, его разстраивали киргизы, которые какъ-то чутьемъ узнали о крещеніи и прїѣхали сюда; обѣщали дать ему денегъ, лишь бы не крестился ¹⁾. Благодаря содѣйствію о. Ѳеодора и крестьянъ, удалось дать перевѣсъ нашему вліянію надъ киргизскимъ и старшій сынъ согласился креститься. Но они всѣ просили, чтобы крещеніе было совершено теперь же (поздно вечеромъ). Воспріемники, съ о. Ѳеодоромъ во главѣ, наградили новокрещенныхъ кто чѣмъ могъ; обѣщали теперь же дать хлѣба и посѣять въ будущемъ году. О. Ѳеодоръ на свой счетъ отдалъ въ школу дѣвочку и мальчика.

10-го ноября я окрестилъ еще двоихъ: молодого киргиза изъ села Красноярскаго на Убѣ и татарина, приписавшагося къ киргизамъ, живущаго въ сосѣдней Ново-Шульбинской деревнѣ. Первый совершенно безродный, круглый сирота. Его привезъ крестьянинъ и изъявилъ желаніе усыновить мальчика, котораго очень хвалилъ за кротость, понятливость и послушаніе. При этомъ онъ рассказалъ, что одинъ киргизъ изъ Краснаго Яра

1) Не желая привлекать къ законной отвѣтственности киргизовъ, препятствовавшихъ намъ въ дѣлѣ св. крещенія, я попросилъ г. Уѣзнаго начальника сообщить имъ къ свѣдѣнію тѣ статьи закона, которыми налагается за это наказаніе.

хотѣлъ ѣхать ко мнѣ креститься; на него сильно нападали киргизы, но безуспѣшно. Наконецъ, когда уже были готовы лошади, за нѣсколько минутъ до отъѣзда они подарили ему лошадь, лишь бы не ѣздилъ! И онъ остался.

Другую печальную исторію разсказалъ мнѣ тотъ же крестьянинъ. Въ ссѣдной съ Краснымъ Яромъ деревнѣ Вавиловкѣ жилъ въ работникахъ молодой киргизъ. Въ августѣ онъ пожелалъ креститься и сильно просилъ своего хозяина, чтобы отвезъ его ко мнѣ. Хозяинъ откладывалъ поѣздку день за днемъ, не смотря на то, что работникъ сталъ просить его со слезами. И черезъ недѣлю бѣдняжка умеръ, оставивши своего хозяина въ тяжкомъ горѣ и самоосужденіи за неисполненіе просьбы.

Татаринъ изъ Ново-Шульбинска разсказывалъ, что его отговаривали отъ крещенія не только татары и киргизы, но даже русскіе (раскольники)! Разсказывалъ еще, что торговецъ татаринъ той же деревни обратилъ одного слабоумнаго русскаго въ исламъ, выучилъ его молитвамъ по-татарски! Русскіе побили не татарина, а слабоумнаго,—слѣдовало бы наоборотъ, и тотъ опять сталъ молиться по-русски.

Въ минувшемъ году окрещено мною изъ магометанства всего 16 человѣкъ. Слава Богу за все!

Шульба,
28 ноября 1893 г.

Троицкій миссіонерскій монастырь при озерѣ Иссыкъ-Куль въ Туркестанѣ.

По завоеваніи и присоединеніи къ Россіи обширнаго Туркестанскаго края, (въ 1867 г.) тамъ не было открыто самостоятельной епархіи. Духовенство же, какое явилось вмѣстѣ съ занятіемъ края, и дѣла церковныя вообще были подчинены—въ Семирѣчьи Томскому преосвященному, а въ Туркестанѣ — Оренбургскому. Само собою понятно, что такой порядокъ церковнаго управленія въ новозавоеванномъ краѣ представлялъ величайшія неудобства

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Идеже научите всѣ языки, крѣща-
юще во имя Отца и Сына и Свяго Духа.
Матѳ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1895.

Годъ третій.

ТОМЪ I.

№ 1.

ЯНВАРЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ.

1895.

Изъ записокъ Шульбинскаго миссіонера Іеромонаха Сергія за 1894 годъ.

22 іюня. Переѣхали Иртышъ, вступили въ предѣлы привольной Киргизской степи. — Только теперь я вздохнулъ, что называется, полной грудью! Почти полгода проживя въ Томскѣ, я истомился, и стосковался по степи, по киргизамъ... Приѣхалъ домой 24 мая, и цѣлый мѣсяцъ не могъ вырваться „за-границу“. Сильное, жизнерадостное чувство довольства, отрады наполняло душу среди зеленѣющихъ полей и холмовъ, подъ яснымъ куполомъ неба.

Было 9 часовъ утра. Мы проѣхали верстъ десятокъ. Ауловъ еще не видно, а такъ хочется поскорѣе увидѣть ихъ! Я пристально всматривался вдаль и торопилъ ямщика. Мы поднимались вверхъ по берегу небольшой степной рѣчки Карасу. По обѣимъ сторонамъ ея тянулись холмы, которые то приближались къ ней, образуя небольшія ущелья, то расходились и открывали видъ далеко въ степь. Мѣстность была пустынная, изрѣдка оживлялась пѣніемъ жаворонка и унылымъ крикомъ большихъ стениныхъ куликовъ. Было тихо. Солнце начинало припекать. Вотъ вдали на косогорѣ показались стада: признакъ, что недалеко аулъ. Мы встрепнулись и поѣхали живѣе. Вскорѣ показалось нѣсколько ауловъ, живописно расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ рѣчки.

Ауломъ называется нѣсколько юртъ, расположенныхъ полукругомъ другъ возлѣ друга. Полукругъ (собственно больше: три четверти круга), образуемый юртами, называется *корá*, т. е. дворъ. Смотря по количеству юртъ и по богатству аула, дворъ этотъ бываетъ обширный или малый. Юрта старшаго въ родѣ, или человѣка богатаго, почетнаго ставится по срединѣ полукруга; рядомъ съ ней по бокамъ юрты сыновей, родственниковъ. Въ

аулѣ, къ которому мы подъѣхали, муштинъ не оказалось дома, были однѣ женщины да пастухи. Ауль принадлежалъ нашему знакомому аксакалу (буквально: бѣлобородому, человѣку почтенному, уважаемому) Джанаку Джетибаеву. Самъ онъ откочевалъ вверхъ по Карасу, а здѣсь оставилъ почти весь свой скоть. На вопросъ нашъ: далеко ли стоянка Джанака, намъ отвѣтили: *жакын*, близко. У киргизовъ все „близко“; непривычнаго человека это можетъ сбить съ толку.

— Сколько примѣрно верстъ? спросили мы.

— Версты 3—4.

У киргизовъ верстъ нѣтъ. По ихъ счету верста—это пространство, которое можно окинуть взглядомъ. Такимъ образомъ, понятіе этой единицы измѣренія очень растяжимое. По нашимъ соображеніямъ, эти 3—4 версты заключали въ себѣ покрайней мѣрѣ верстъ 20. Такъ на самомъ дѣлѣ и оказалось: эти „3—4 версты“ скорой рысью мы ѣхали безъ малаго три часа!

Съ Джанакомъ я познакомился въ прошломъ году. Мы близко сошлись; поэтому насъ приняли весьма радушно. Самъ старикъ былъ дома, а двое сыновей его, съ которыми я былъ тоже въ пріятельскихъ отношеніяхъ,—одинъ кандидатъ волостнаго управителя, другой бій (судья) уѣхали на волостной сѣздъ, бывшій неподалеку, верстахъ въ 4—5 (настоящихъ). По обычаю намъ предложили кумысу, спросили о здоровьѣ, о житѣ бытѣ, о новостяхъ. Потомъ, пока ставили самоваръ, намъ устроили помѣщеніе въ юртѣ младшаго сына Джанакова Сеилькана. Напились чаю. Я вышелъ изъ юрты, смотрю—вдали показалось человѣкъ пять всадниковъ, ѣхавшихъ по направленію къ намъ. Дальнозоркіе киргизы сказали, что это ѣдетъ *кандидатъ* (такъ они произносятъ слово „кандидатъ“), старшій сынъ старика, по имени Темирканъ. — Это былъ дѣйствительно онъ. Оказалось, вѣсть о моемъ пріѣздѣ достигла до сѣзда, хотя со времени моего прибытія прошло какихъ нибудь часа полтора—два. Темирканъ пріѣхалъ поздороваться со мною. Съ нимъ пріѣхали еще 4 человека. Послѣ обычныхъ привѣтствій Темирканъ просить у меня позволенія переговорить на-единѣ. Мы отошли на нѣсколько саженой въ сторону отъ юртъ, присѣли по-кир-

гизски на корточки, и мой пріятель началъ повѣствовать мнѣ предлинную исторію съ многочисленнѣйшими и мельчайшими подробностями, между тѣмъ какъ все это можно разсказать кратко въ нѣсколькихъ словахъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. У одного бѣднаго киргиза, имени котораго я непомню, впрочемъ его никто и не называлъ по имени, всѣ его такъ и звали „бѣдняга“ *бейчара*, и на видъ онъ былъ какой-то несчастный; — у этого *бейчара* отбилъ жену богатый киргизъ Кудай-бергенъ. „Бѣдняга“ пожаловался уѣздному начальнику, который велѣлъ возвратить жену. Но она опять ушла. На вторичную жалобу послѣдовало такое распоряженіе: передать это дѣло на судъ біевъ. На сѣздѣ это дѣло судьи и должны были рѣшить сегодня вечеромъ. Но Кудай-бергенъ, человѣкъ богатый, далъ будто-бы подарки волостному управителю и біямъ, дѣло должно быть рѣшено пристрастно, поэтому Темирканъ обращается съ просьбою ко мнѣ: не могу ли я приказать волостному, чтобы Адеми-маулюмъ (такъ зовутъ жену *бейчара*) была возвращена своему законному мужу? На такую просьбу я не могъ дать иного отвѣта, какъ отрицательный. Въ то время, когда мы разговаривали такъ, пріѣзжаетъ другая партія киргизовъ, многочисленнѣе первой, затѣмъ третья, четвертая! Пріѣхало человѣкъ сорокъ. Всѣ объяснили свой пріѣздъ мнѣ такъ: „узнали, что вы здѣсь, явились поздороваться, повидаться съ вами“. Еще одинъ киргизъ, бій Чонъ, отозвалъ меня въ сторону. Опять мы сѣли на корточки, и опять я долженъ былъ выслушать ту же самую исторію, съ самаго начала, съ такими же подробностями, и почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ. Рѣчь заключилась такою-же просьбою и такимъ-же отказомъ съ моей стороны. Подходимъ къ юртамъ; еще одинъ киргизъ проситъ меня поговорить на-единѣ. Опять ушли мы въ сторону. Опять та же исторія съ тою разницею, что я предупредилъ просителя, начавшаго было свой безконечный разсказъ, что эта исторія мнѣ извѣстна. Я коротко спросилъ: чѣмъ могу служить?

— Велите *болмыу* (искаженное названіе „волостнаго“), чтобы выдалъ Адеми-маулюмъ *бейчара*.

— Не могу я этого сдѣлать, не имѣю права. Если-бы я

и сказалъ что-нибудь въ этомъ родѣ волостному, онъ меня не послушаетъ: я не уѣздный начальникъ, да и тотъ дѣло это передалъ на судъ бievъ. Ждите, что скажутъ бii.

Мы опять присоединились къ остальнымъ киргизамъ. Опять выступилъ одинъ изъ нихъ съ желанiемъ увести меня въ сторону. Но я отказался, предполагая, что рѣчь будетъ опять о бейчара и его невѣрной женѣ. Мое предположенiе оказалось справедливымъ. Тогда я спросилъ у всѣхъ вмѣстѣ, почему они каждый отдѣльно и по секрету говорятъ со мною о дѣлѣ, которое всѣмъ извѣстно.

— А вы позволите?

— Сдѣлайте одолженiе, сколько угодно.

Солнце уже зашло, вечерняя прохлада давала себя чувствовать. Мы вошли въ юрту. Здѣсь уже всѣ вмѣстѣ стали повторять мнѣ прежнюю просьбу. Я разъяснилъ имъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Повидимому, поняли и согласились. Но не успокоились и стали просить меня: напишите уѣздному начальнику. Я доказывалъ имъ бесполезность и этой мѣры. Въ такомъ случаѣ напишите губернатору. Одинъ придумалъ просить, чтобы я написалъ областному прокурору, такъ какъ онъ пользуется-де громадной властью.

— Кому же теперь писать, я ужъ не знаю, спросилъ я. Прокурору, или уѣздному начальнику, или губернатору?

Мои собесѣдники задумались, но болѣе живые изъ нихъ воскликнули: да вы напишите всѣмъ сразу и уѣздному, и губернатору, и прокурору.

Я разсмѣялся, развеселились и киргизы. Такъ мы бесѣдовали очень долго. Остановились на слѣдующемъ рѣшенiи: я обѣщалъ отправиться на съѣздъ и попросить волостнаго управителя съ судьями, чтобы они справедливѣе отнеслись къ дѣлу. Тогда всѣ ушли изъ юрты, остался я одинъ. Наступила тишина. Въ это время слышались звуки пѣсни, гармонично раздававшiеся въ вечернемъ воздухѣ. Пѣли очевидно дѣти, гдѣ-то не близко, вѣроятно въ другомъ аулѣ. Люблю я киргизскую пѣсню! Большею частью она уныла и однообразна, какъ сама степь. Но есть мотивы сложные, не лишенные своего рода прелести и

отличающіеся музыкальностью. Настоящее пѣніе напомнило мнѣ ранніе годы моего дѣтства, когда вечернею зарею дѣти составляли хоры и также пѣли пѣсни.

Іером. Сергій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шульба,
Октябрь 1894 года.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Впечатлѣніе недавнихъ событій русской жизни на одного обращеннаго въ православіе японца.

..... Пользуясь настоящимъ случаемъ, смѣю поздравить васъ съ новымъ славнымъ царствованіемъ и сопровождавшими это высокое событіе разными торжествами. За послѣднее время мнѣ пришлось переживать весьма важный историческій моментъ въ Россіи. Какъ проживающій въ Россіи и тѣсно связанный съ нею чрезъ дорогія сношенія со многими добрыми здѣшними людьми, я невольно скорбѣлъ и радовался вмѣстѣ съ нею. Это событіе, кромѣ того, еще разъ и даже окончательно убѣдило меня, что Россія—это страна поистинѣ и въ возможно идеальномъ смыслѣ христіанская,—страна, гдѣ даже политика, эта почти всегда антихристіанская (?) сфера государственной жизни, также проникнута высокимъ духомъ христіанства. Вотъ это-то убѣжденіе для меня очень важно и его нужно считать однимъ изъ цѣнныхъ приобрѣтеній въ жизни моей въ Россіи. Дѣло въ томъ, что православіе и Россія въ глазахъ японцевъ почти не отдѣлимы другъ отъ друга, такъ что нѣкоторые изъ нихъ называютъ первое прямо русскою вѣрою. При такомъ обстоятельствѣ для проповѣдниковъ православія въ Японіи весьма важно быть глубоко убѣжденными въ томъ, что страна, являющаяся почти единственною въ мірѣ представительницею и оборонительницею православія, несомнѣнно воплощаетъ въ себѣ идеи этой вѣры и до возможной степени осуществляетъ ихъ во всѣхъ сферахъ своей жизни, не исключая

гигіеническихъ условіяхъ, можетъ еще долго, хотя и медленно возрастать. Вымирание нашего округа мы не считаемъ фактомъ, его же не преjdeши. Тѣмъ не менѣе добрая жизнь у насъ возможна лишь при заботливости о насъ людей остального міра, странъ благословенныхъ и счастливыхъ. И обязанность людей болѣе теплыхъ странъ прійти къ намъ на помощь: во имя солидарности человѣчества или — лучше сказать — во имя христіанской заповѣди: люби ближняго твоего, какъ самого себя. Многого же намъ и не потребуется.

14 октября 1893 г.

Сепъ-Кѣль.

Изъ записокъ Шулъбинскаго миссіонера Іеромонаха Сергія за 1894 годъ¹⁾.

23 іюня. Я всталъ въ 7 часовъ утра, когда всѣ еще спали. Киргизы лѣтомъ встаютъ очень поздно, потому что ложатся не ранѣе полуночи, а иногда сидятъ почти до разсвѣта. Въ ручейникѣ воды не оказалось и я отправился умываться на рѣчку Карасу, протекавшую саженьхъ въ 15—20 возлѣ нашего аула. Въ этомъ мѣстѣ на берегу изъ подъ почвы выдаются камни, и самое теченіе рѣчки было загромождено громадными скалами, величественно наваленными другъ на друга. Издали видъ на ущелье очень красивъ. Берегъ очень высокій, пришлось глубоко спускаться внизъ къ водѣ. Сюда солнечные лучи еще не достигали, была пріятная тѣнь и прохлада. Здѣсь же подъ открытымъ небомъ я помолился Богу.

Я пригласилъ къ себѣ на чай старика Джанака и обоихъ сыновей его. За чаемъ, между прочимъ, я выразилъ удивленіе по поводу вчерашняго пріѣзда киргизовъ ко мнѣ.

— Какъ они не боятся? Вѣдь въ прошломъ году боялись, считали меня колдуномъ? спросилъ я.

— *Рас, рас*, т. е. правда, правда, съ живостью отвѣтили мнѣ мои собесѣдники. — Помните, въ прошломъ году вы проѣзжали черезъ одинъ аулъ, спрашивали дорогу и давали дѣтямъ

¹⁾ Продолженіе. См. „Прав. Благов.“ № 1, стр. 47—51.

кусочки сахару. Когда вы уѣхали, старшіе отняли у дѣтей сахаръ и ихъ самихъ поколотили: „зачѣмъ-де берете, это *сыйкырчи* (колдунъ)! Какъ только скушаете сахаръ, сейчасъ же потянетъ креститься!“ Но оказалось, что все это вздоръ, напрасно. Теперь киргизы не боятся, не дичатся васъ, напротивъ даже. Еще высказали мнѣ киргизы: мы знаемъ, что насильно никого не крестятъ, а лишь тѣхъ, кто сами изъявляютъ желаніе. Между тѣмъ зимою прошлаго года киргизы были совершенно другаго мнѣнія. Меня сильно тревожили получавшіяся отъ разныхъ лицъ свѣдѣнія, что киргизы волнуются, боятся, будто ихъ всѣхъ насильно будутъ крестить, брать въ солдаты. Передавали даже, что киргизы намѣревались куда-то откочевать. Теперь, слава Богу, настроеніе киргизовъ перемѣнилось, поэтому утѣшительно было слушать ихъ искренніе, откровенные рассказы.

Какъ бы въ соотвѣтствіе этимъ рассказамъ произошелъ слѣдующій любопытный эпизодъ. Когда мы сидѣли и разговаривали, вдругъ возлѣ нашей юрты послышался плачь, кто-то прерывающимся отъ слезъ голосомъ говорилъ: уйду и окрещусь, уйду и окрещусь! Я послалъ переводчика своего Василя Байюнакова узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, одинъ киргизъ изъ нашего аула за что-то несправедливо побилъ своего сына. Послѣдній горько заплакалъ, подошелъ къ нашей юртѣ и повторялъ упомянутые слова, — должно быть въ утѣшеніе себѣ и угрозу отцу. Вообще нужно отмѣтить это явленіе, которое наблюдается въ мѣстахъ близкихъ къ миссіонерскимъ станамъ: члены семьи, съ которыми жестоко обращаются, грозятъ уйти и сдѣлаться русскими, т. е. креститься. А это дѣйствуетъ замѣтнымъ образомъ на старшихъ, которые становятся мягче, ласковѣе. Намъ и прежде приходилось иногда слышать о намѣреніи нѣкоторыхъ киргизовъ креститься именно потому, что съ ними безчеловѣчно обращаются. Но свое намѣреніе они не приводили въ исполненіе, такъ какъ угрозы родичей оказывали надлежащее дѣйствіе на строптивый нравъ.

Мои чиновные ¹⁾ молодые хозяева на сѣздѣ не поѣхали, остались дома. Я удивился этому, спросилъ о причинѣ.

¹⁾ Т. е. бій и кавидатъ, которыхъ, какъ и русскихъ чиновниковъ, киргизы называютъ *торѣ*.

— Мы съ вами поѣдемъ, отвѣтили они.

— Какъ же, вѣдь безъ васъ дѣло можетъ стоять? возразилъ я.

— *Джокъ, таксыръ*, отвѣтили мнѣ. Нѣтъ, господинъ. Тамъ теперь такъ-себѣ лежатъ, кумысъ пьютъ, уже къ вечеру начинаютъ заниматься дѣломъ.

Слова эти подтвердились въ точности. Когда мы часа въ четыре вечера пріѣхали на сѣздъ, дѣйствительно всѣ „лежали“ по юртамъ. Киргазы встаютъ поздно, справиться съ лѣтнею, особенно при сильной жарѣ, нѣтъ силъ, поэтому и лежатъ по юртамъ до вечера. Когда же спадетъ жаръ, выходятъ изъ юртъ, разсаживаются въ кружки на зеленой травѣ и начинаютъ занятія. Всѣ дѣла рѣшаются у нихъ подъ открытымъ небомъ.

Насъ очевидно поджидали. Когда мы подъѣхали, изъ юртъ вышелъ волостной управитель и писмоводитель съ другими киргизами. Въ знакъ почета помогли мнѣ сойти съ лошади (я пріѣхалъ верхомъ). Предложили намъ кумысу, чаю. Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьѣ и новостяхъ, мы приступили къ цѣли нашего пріѣзда, къ вопросу о способахъ возвращенія *бейчаръ* его невѣрной жены. Здѣсь мы съ первыхъ же словъ узнали много совершенно новыхъ подробностей дѣла, о которыхъ не слыхали вчера. Въ уясненіи дѣла намъ много помогъ г. писмоводитель, который любезно показаль намъ самое дѣло, гдѣ я имѣлъ возможность прочитатъ прошеніе этого бейчары. Бейчара много повредилъ удачному исходу своего иска тѣмъ, что совершенно напрасно писалъ въ прошеніи, будто жена его, уходя къ Кудай-бергеню, похитила имуществъ на 500 руб. Это имущество или 500 руб. денегъ, бейчара требоваль съ Кудай-бергеня; этимъ дѣло значительно осложнялось. Съ своей стороны Кудай-бергенъ писалъ, будто Адеми-маулюмъ унесла у него разныхъ вещей на 550 р., когда по распоряженію г. уѣзднаго начальника, уходила къ своему законному мужу, и требоваль, чтобы бейчара возвратилъ ему или эти вещи, или 550 р. денегъ. Новое осложненіе! Обѣ стороны выставляютъ свидѣтелей, которые подъ присягой показываютъ, что дѣло было дѣйствительно такъ, какъ изложено въ прошеніяхъ. Но въ прошеніи

бейчары есть очевидная ложь, именно: будто Кудай-бергенъ похитилъ у бейчары на 500 р. имущества. Не могъ этого сдѣлать Кудай-бергенъ по той простой причинѣ, что бейчара чловѣкъ бѣдный, и у него всего имущества не наберется на 500 р., включая сюда и скотъ, и юрту, и платье и т. под. Адеми-маулюмъ бѣжала тайно, такъ сказать на-легкѣ, поэтому не могла многого захватить съ собою. Да если бы даже она унесла у своего мужа *бейчары* все имущество, все-таки его не оказалось бы на такую сумму. Между тѣмъ обѣ стороны представляютъ подробные списки похищенныхъ вещей съ стоимостью ихъ, а свидѣтели подтверждаютъ, что это такъ и есть. Какъ разобраться въ этомъ дѣлѣ? Русскимъ это положительно невозможно, это подъ силу лишь самимъ киргизамъ, на что и даетъ право степное положеніе народнымъ судьямъ-біямъ.

Мы узнали, что это дѣло было рѣшено вчера вечеромъ, что написано уже постановленіе объ этомъ. Рѣшеніе постановлено заочное, такъ какъ бейчара съ партіей своихъ доброжелателей вчера уѣхалъ со съѣзда, не дождавшись рѣшенія дѣла. Я удивился этому. Мнѣ объяснили, что отъѣздъ устроенъ нарочно съ тѣмъ расчетомъ, нельзя-ли въ послѣдствіи извлечь какую-нибудь пользу, обжаловавъ дѣло, такъ какъ оно рѣшено-де заочно. Но расчетъ оказался самый не основательный. Мы перешли въ слѣдующую юрту, гдѣ помѣщались гг. судьи, чтобы взглянуть на постановленіе. Последнее написано на двухъ языкахъ: на русскомъ и киргизскомъ. Писалъ бій Смагулъ Койчубаевъ ¹⁾, считающійся знатокомъ русскаго языка. Но что за ужасный языкъ, которымъ написано постановленіе! Рѣшеніе названо „*позавучное*“ (т. е. заочное). Присудили Кудай-бергеня отдать бейчарѣ за жену его четырехъ верблюдовъ; жена же должна остаться у Кудай-бергеня. Четыре верблюда пазначались какъ-бы въ вознагражденіе расходовъ при уплатѣ калыма, отданнаго бейчарой за Адеми-маулюмъ; о 500-же рубляхъ, какъ и слѣдовало ожидать, не было и помину.

Постановленіе это было окончательнымъ, судя по относя-

¹⁾ Какъ это напоминаетъ нашу старинную фамилію Кочубеевъ!

щимся сюда статьямъ Степнаго Положенія. Жаловаться больше некому было, да и бесполезно. Такъ мы и старались разъяснить, по возвращеніи въ свои юрты, бейчарѣ, который самъ явился къ намъ просить защиты. Но наши убѣжденія не оказывали на него надлежащаго дѣйствія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Іером. Сергій.

Шульба,
Октябрь 1894 года.

Мое учительство.

(изъ записокъ учителя инородческой школы).

Авторъ этой статьи природный чувашенинъ, обучавшійся въ Симбирской Чувашской учительской школѣ. По окончаніи въ ней курса ученія, онъ опредѣленъ учителемъ въ одну изъ Чувашскихъ начальныхъ школъ, въ д. Аллагуватъ Стерлитамак-скаго уѣзда, Уфимской губерніи. О своемъ учительствѣ въ этой школѣ, въ теченіе трехъ учебныхъ годовъ (1891—94 гг.), онъ и рассказываетъ въ печатаемыхъ ниже своихъ „Запискахъ“. Разсказъ представляетъ много любопытнаго и поучительнаго. Изъ него ясно видно, какимъ полезнымъ и незамѣнимымъ помощникомъ и сотрудникомъ священника-миссіонера можетъ быть религіозный и преданный своему дѣлу учитель начальной школы, какъ много можетъ онъ сдѣлать для христіанскаго просвѣщенія своихъ сородичей, находясь съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ и пользуясь ихъ полнымъ довѣріемъ. Въ дѣятельности этого почтеннаго учителя-чувашенина найдутъ для себя полезный урокъ учителя и нашихъ русскихъ сельскихъ начальныхъ школъ: они ясно могутъ видѣть здѣсь, какъ много свѣта они могутъ внести въ темную народную жизнь, какъ много истинныхъ и полезныхъ понятій и свѣдѣній могутъ сообщить темнымъ и невѣжественнымъ людямъ, если не будутъ ограничиваться только холоднымъ и формальнымъ исполненіемъ своихъ учительскихъ обязанностей по школѣ и положенной программѣ, а станутъ ближе къ народу, войдутъ въ болѣе

скихъ побрякушекъ, украшеній, бусъ, что она не могла сдѣлать ни одного движенія безъ того, чтобы не издать переливающихся металлическихъ звуковъ.

Это считается достаткомъ, роскошью у самоѣдовъ.

Молоденькая дѣвушка, выбѣжавшая изъ юрты сначала, при моемъ появленіи въ ней, послѣ явилась въ такомъ же богатомъ нарядѣ и на ея головѣ былъ накинута шелковый платокъ съ золотымъ узоромъ. Все это говорило о вкусахъ и слабости и женщинъ-самоѣдокъ къ нарядамъ и роскоши.

На широкой передней стѣнѣ юрты висѣли св. иконы съ слѣдами восковыхъ свѣчъ, на груди дѣвочки былъ крестикъ.

Но, гуляя по окрестностямъ княжескихъ юртъ, я не разъ находилъ слѣды шаманства. Тамъ виситъ на сукѣ дерева голова оленя съ вѣтвистыми рогами, тутъ встрѣчается какъ бы мѣсто недавняго жертвеннаго костра, а неподалеку на деревѣ, ни чѣмъ не отличающемся по виду отъ другихъ, висятъ пояски, доскуты, признаки приношеній, сдѣланныхъ женщинами кому-то изъ невидимыхъ духовъ—шайтановъ. И все это не пряталось гдѣ-нибудь въ сторонѣ; нѣтъ, напротивъ, встрѣчалось по той самой дорогѣ, которая вела черезъ гору къ Обдорску, съ которой было видны и сѣренькіе домики городка и его церкви съ золочеными крестами.

Н. Носиловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

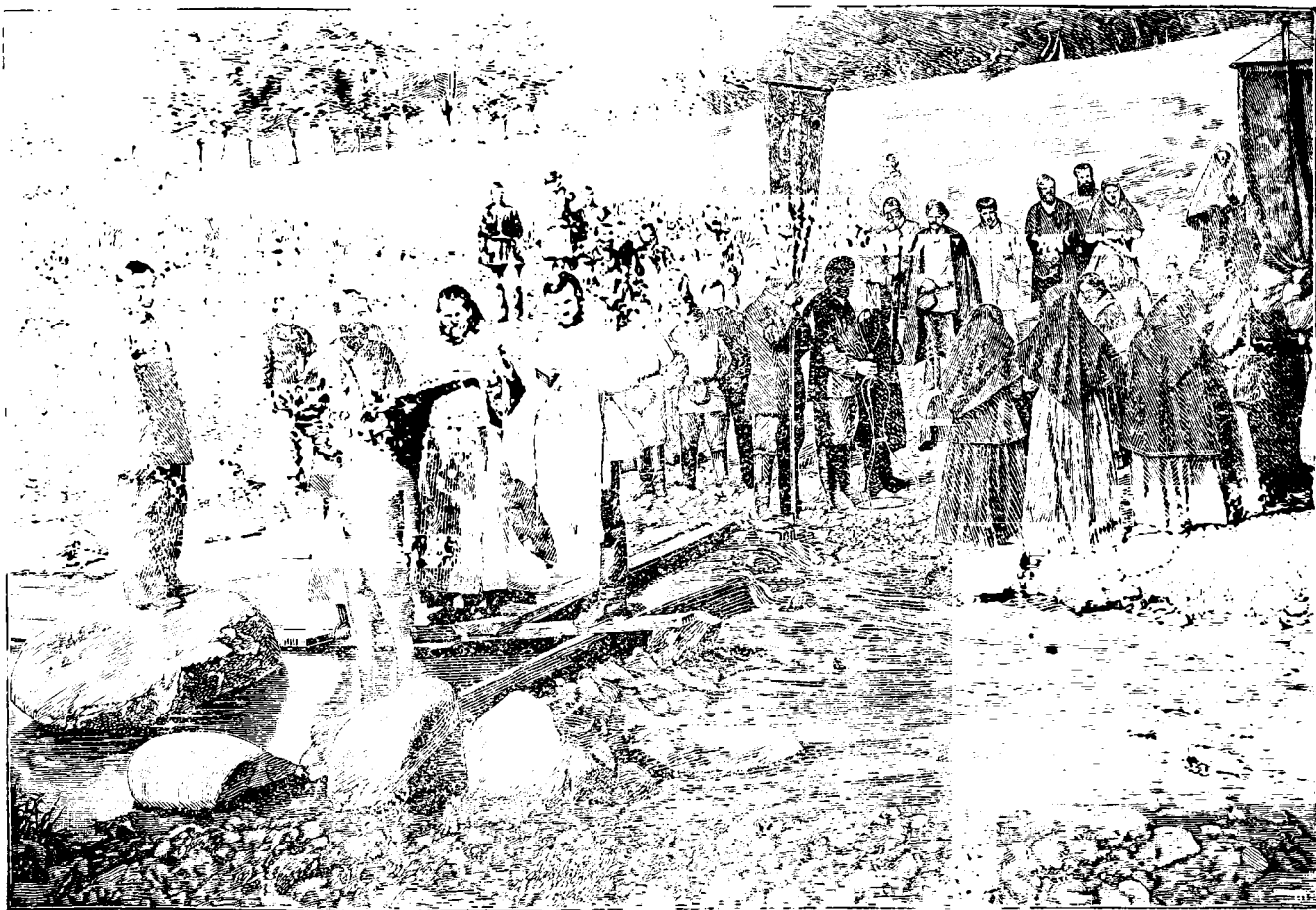
Изъ записокъ Шульбинскаго миссіонера іеромонаха Сергія за 1894 годъ ¹⁾.

24 іюня, послѣ утренняго чая, явился ко мнѣ бейчара, конечно съ просьбой. Съ нимъ пріѣхалъ еще одинъ киргизъ, хорошо умѣющій читать и писать по-русски.

— Что угодно? спросилъ я.

— Не потрудитесь ли прочитать и исправить прошеніе, сказалъ бейчара.

¹⁾ Окснчаніе. См. „Прав. Благов.“ № 4, стр. 210—214.

Крещеніе киргизовъ: Покуша, жены его Диней и сына ихъ младенца Базарбая на рѣкѣ Жимней въ г. Зайсанѣ, Семипалатинской области, 17 сентября 1893 года.

— Вотъ, хочу подать уѣздному начальнику, чтобы приказалъ отобрать мою жену у Кудай-бергеня!..

Какъ я ни убѣждалъ его, что всѣ его просьбы бесполезны, останутся безъ послѣдствій, что самъ уѣздный начальникъ передалъ это дѣло на судъ біевъ, рѣшеніе коихъ по закону должно быть окончательнымъ, и т. д.,—ничто не помогло. Я говорилъ ему: „Представимъ себѣ невозможное, положимъ, что тебѣ удастся возвратить жену. Но вѣдь она тебя не любитъ, на привязи держать ее не будешь, все равно она опять убѣжитъ къ Кудай-бергеню. Тогда ты лишишься четырехъ верблюдовъ, а на нихъ, вѣдь, ты можешь пріобрѣсти себѣ другую жену“.

— Все равно, хоть и убѣжить, но теперь-то на своемъ поставлю!

На это мнѣ уже ничего не оставалось отвѣчать, а лишь пожать плечами. Бейчара кончилъ тѣмъ, что сталъ просить у меня денегъ взаймы на гербовыя марки и др. расходы!.. И прежде не мало денегъ издержалъ несчастный бейчара на это дѣло. Теперь хочетъ еще тянуть его хоть въ долгъ!... Человѣкъ онъ не далекаго ума. Продолжать, навѣрное, затѣянное имъ дѣло подзадоривали его, другіе. Недаромъ пріѣзжалъ грамотный киргизъ, писавшій прошеніе: конечно, за это ему прежде всего нужно было заплатить. Я нарочно остановился подробно на этой исторіи, чтобы показать страсть киргизовъ къ сутяжничеству и приистекающія отсюда дурныя послѣдствія для нихъ.

Когда ушелъ бейчара, я отправился въ юрту къ старику Джанаку. У него была полна юрта гостей, между которыми я замѣтилъ двоихъ русскихъ, ѣхавшихъ на съѣздъ получить долги съ киргизовъ. Джанакъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, отличается необыкновенною патріархальностью, простотою и радушіемъ. Поэтому мимо его юрти не пройдетъ ни русскій, ни киргизъ безъ того, чтобы не навѣстить гостепріимнаго старика. Хозяева и гости разговаривали между собою о долгахъ, должникахъ и о трудности получать долги съ киргизовъ. Нужно замѣтить, что бѣдные киргизы вѣчно въ долгу у русскихъ. Я слыхалъ, что русскіе берутъ съ киргизовъ очень большіе проценты, обижа-

ють ихъ; но то, что я услышалъ сегодня, просто ужасно. Одинъ молодой киргизъ, желая быть выбраннымъ въ аульные старшины, но не имѣя денегъ дать взятку выборнымъ, занялъ у казака поселка У. 50 руб. Деньги обѣщаль отдать черезъ мѣсяцъ, но уже не 50 р., а 70, т. е. изъ 40% мѣсячныхъ!... Проходить мѣсяцъ, денегъ у бѣдняка не оказалось, но казакъ и не требуетъ ихъ настойчиво, соглашается подождать еще мѣсяцъ. Снова пишутъ росписку, но не на 50 и не на 70 р., а на 95! Черезъ мѣсяцъ онъ заплатилъ часть долга, а въ остающейся части, съ сложными процентами, опять далъ росписку. Несчастный давно выплатилъ свой долгъ (50 р.), но все еще остается должнымъ нѣсколько сотъ рублей!... Сколько именно, рассказывавшіе объ этомъ киргизы точно не знали. Проценты платитъ онъ и до сего дня. Чтобы не быть уличену въ ростовщичество, доблестный казакъ пишетъ росписку такимъ образомъ: онъ не упоминаетъ, что такой-то беретъ 50 р., а черезъ мѣсяцъ обязуется уплатить 70 р., а такъ: будто бы онъ занялъ 70 р. и черезъ мѣсяцъ обѣщаетъ отдать 70-же. Но этого мало: на придачу къ такимъ безчеловѣчнымъ процентамъ казакъ этотъ проситъ своего должника; „я вотъ выручилъ тебя изъ бѣды, далъ денегъ, такъ ты за это поработай у меня мѣсяцъ, или убери десятину хлѣба“. Обыкновенно это условіе ставится напередъ. Для полноты характеристики этого россиянина, скажу объ отношеніи его къ новокрещеннымъ киргизамъ и къ русскимъ. У него нѣсколько лѣтъ жилъ работникъ—киргизъ. Человѣкъ онъ былъ хорошій, усердный, работающій; иначе онъ такъ долго не жилъ бы у требовательнаго казака. Задумалъ этотъ киргизъ креститься. Казакъ отговариваетъ его: *тебѣ-де пользы никакой не будетъ!*... Но киргизъ крестился. Казакъ въ тотъ же день рассчиталъ его и, должно быть, въ утѣшеніе или напутствіе своему новому брату во Христѣ, сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: „Ты теперь—крещеный, поэтому въ праздникъ тебя уже нельзя будетъ заставлять работать: какой ты послѣ этого работникъ?! Потомъ тебя нужно будетъ сажать обѣдать и чай пить за одинъ столъ, а ты все равно какъ былъ собака, такъ

и остался собакой ¹⁾. Это передавали мнѣ сначала русскіе, потомъ подтвердилъ самъ Семень (такъ зовутъ этого новокрещеннаго).

Что касается русскихъ, то этотъ, упомянутый выше казакъ вовсе не даетъ имъ въ долгъ ни копейки: опасно, могутъ потащить въ судъ за безбожные проценты; и долгъ съ нихъ получить труднѣе. Но и не съ „собаки“, а съ своего брата онъ умудряется наживать 200—300 процентовъ. Осенью, когда хлѣбъ дешевъ, онъ скупаетъ его по 25—30 коп. за пудъ. Весною же, когда является нужда въ хлѣбѣ или для прокорма или для посѣва, онъ продаетъ хлѣбъ отъ 80 к. до 1 р. 20 к. за пудъ тѣмъ же самымъ лицамъ, у которыхъ покупалъ по 25—30 к!.. При этомъ, вѣроятно въ оправданіе себя, говоритъ съ циничною наивностью: вѣдь я не силою тащу ихъ (русскихъ и киргизовъ) къ себѣ, сами идутъ!...

Всѣ эти рассказы повергли меня въ большее смущеніе, уныніе. Я сидѣлъ у себя въ юртѣ одинъ. Въ это время пріѣзжаетъ Темирканъ. Онъ привезъ нѣсколько экземпляровъ издающейся на киргизскомъ и русскомъ языкахъ „Киргизской Степной Газеты“. Я сталъ просматривать газеты. Въ первомъ номерѣ (№ 22, 5 іюня), который я взялъ въ руки, я обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто, которое и привожу здѣсь цѣликомъ. „До свѣдѣнія высшаго правительства дошло, что въ послѣднее время среди мусульманъ нѣкоторыхъ губерній распространились ложные слухи о предстоящемъ, будто бы, по распоряженію правительства, обращеніи ихъ въ православную вѣру. Поводомъ къ этому послужило превратное толкованіе татарами циркулярныхъ распоряженій Министра Внутреннихъ дѣлъ относительно открытія магометанскихъ школъ (мектебе и медрессе) съ разрѣшенія дирекціи народныхъ училищъ, о допущеніи къ преподаванію въ этихъ школахъ только русскихъ подданныхъ, получившихъ образованіе въ Россіи и объ изыятіи изъ употребленія въ школахъ

¹⁾ Своихъ работниковъ—киргизовъ русскіе не сажаютъ съ собою за столъ, а даютъ кушать отдѣльно или на особомъ столѣ или на скамейкѣ у порога: магометанъ-татаръ и киргизовъ русскіе вообще зовутъ собаками, въ знакъ особаго презрѣнія къ нимъ.

рукописныхъ и иностраннаго изданія религиозныхъ магометанскихъ книгъ. Муллы и муэзины, по невѣжеству, а быть можетъ, съ злонамѣренною цѣлью толкуютъ означенныя распоряженія въ смыслѣ желанія правительства крестить мусульманъ и даже побуждаютъ послѣднихъ къ распродажѣ имущества и переселенію въ Турцію.

Въ виду распространенія такихъ вздорныхъ и нелѣпныхъ слуховъ, русскимъ мусульманамъ слѣдуетъ твердо помнить, что, согласно волѣ Государѣ Императора и на основаніи 44 и 45 ст. основныхъ Государств. зак. (Т. I, изд. 1892 г.), магометанамъ присвоится свобода вѣры и потому не только о крещеніи мусульманъ въ православную вѣру, но и вообще о какомъ-либо стѣсненіи ихъ въ отправленіи вѣры, со стороны правительства не было сдѣлано никакого распоряженія. Что касается мусульманскихъ школъ, то таковыя подчинены наблюденію учебнаго начальства на общемъ основаніи, какъ и всѣ находящіяся въ Россіи училища, въ видахъ упорядоченія въ нихъ ученія молодежи, и всѣ мѣропріятія правительства въ этомъ отношеніи, очевидно, клонятся только къ пользѣ мусульманъ“. Въ замѣткѣ сказано, что слухи эти распространились „среди мусульманъ нѣкоторыхъ губерній“. У меня тотчасъ же явилось естественное желаніе узнать: не было ли такихъ слуховъ среди киргизовъ? Съ особенною живостью киргизы рассказали мнѣ, что дѣйствительно зимою 1893 — 94 г. татары передавали имъ именно то, о чемъ написано въ газетѣ. Мы страшно боялись, передавали мнѣ откровенные киргизы, потому что татары говорили: всѣхъ васъ будутъ заставлять креститься; если же кто будетъ отказываться, тѣхъ будутъ бить и насильно крестить; надъ вашими дѣтьми запретятъ производить обрѣзаніе, на мечетахъ повѣсятъ колокола, будутъ брать васъ въ солдаты. Еще говорили татары, что обо всемъ этомъ въ нынѣшнемъ году выйдетъ указъ отъ Бѣлаго Царя. Мы просто не знали куда дѣваться, со страхомъ ждали новаго года, хотѣли съ весны выселяться въ Китай“.

Теперь мнѣ стала вполне понятна причина тѣхъ волненій среди киргизовъ, о которыхъ мнѣ передавали Шульбинцы въ ноябрѣ

и декабрь прошлаго года. Вотъ кто дискредитируетъ въ глазахъ полудикихъ киргизовъ благія распоряженія высшей власти! Такую дѣятельность татаръ—торгащей, ничего общаго съ торговлей не имѣющую, нельзя иначе назвать какъ преступной. Когда я прочиталъ оффиціальное опроверженіе этихъ возмутительныхъ слуховъ, а мой переводчикъ передалъ по-киргизски, мои слушатели стали горячо благодарить меня. По живости своего характера, нѣкоторые изъ нихъ пошли и передали эту свѣжую новость въ другія юрты. Моя юрта по немногу стала наполняться, приходили даже изъ другихъ ауловъ, желая непременно изъ моихъ устъ услышать это успокоительное извѣстіе. Эта новость получила значеніе важнаго событія. Мнѣ хотѣлось узнать, кто именно распространялъ вышеупомянутые слухи. На мои вопросы киргизы отвѣчали такъ: слухи эти вышли изъ Семипалатинска, или: наши ѣздили въ Семипалатинскъ и привозили такія новости. Я постарался выяснить моимъ слушателямъ нравственное значеніе такого отношенія къ нимъ со стороны ихъ единовѣрцевъ—татаръ. Я говорилъ имъ приблизительно такъ: „вѣдь изъ татаръ многіе знаютъ русскій языкъ, умѣютъ по-русски читать, въ газетахъ они прочитали распоряженіе г. министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ и намекъ нѣтъ на запрещеніе обрѣзанія или на солдатчину. Зачѣмъ же они распространяютъ такую ложь? Зачѣмъ лишаютъ васъ спокойствія? Какъ назвать такой поступокъ“? Здѣсь киргизы принялись усердно бранить татаръ. „Они пріѣзжаютъ къ намъ, говорили киргизы, торгуютъ, получаютъ съ насъ пользу, пьютъ нашъ кумысъ, лошади ихъ пасутся на нашей травѣ,—за все это мы ничего не беремъ съ нихъ! Когда же пріѣдешь къ нимъ, то не пустятъ никогда переночевать, передъ самымъ носомъ закроютъ ворота; *нашоль, убирайся!* говорятъ“.

При этомъ хвалили русскихъ: къ нимъ когда ни пріѣзжай,—накормятъ, напоятъ, пустятъ переночевать. Одинъ киргизъ прибавилъ: у русскихъ *вѣра лучше*, смѣшивая понятія вѣры и обычая или характера народнаго. Потомъ я разъяснилъ киргизамъ смыслъ министерскаго распоряженія. „Справедливо ли, говорилъ я, позволять преподаваніе въ школахъ иностраннымъ подданнымъ,

когда есть много своихъ людей ученыхъ и способныхъ къ тому? Иностранецъ—человѣкъ чужой, можетъ внушить дѣтямъ какія-нибудь вредныя мысли, которыя, пожалуй, поведутъ къ непріятностямъ. Справедливо-ли такъже допускать учебники иностраннаго происхожденія, когда у насъ печатають ихъ десятки тысячъ въ типографіяхъ Казани? Что нашли здѣсь обиднаго для себя татары? На всѣ мои слова киргизы много разъ повторяли *рас, рас.* т. е. вѣрно, справедливо. Такими и другими восклицаніями киргизовъ испещрялась и оживлялась наша бѣсѣда.

Вечеромъ я опять завелъ рѣчь о невозможности насильственного крещенія, причѣмъ ссылаясь не на государственный, а на Божественный законъ, прочиталъ и объяснилъ вмѣ 16 ст. 16-й главы Евангелія Марка, гдѣ говорится, что условіемъ крещенія должна быть вѣра: *„иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ“*. Показалъ имъ преимущество христіанскаго ученія предъ магометанскимъ, которое требуетъ насильственного обращенія въ исламъ, подъ страхомъ смерти. Слушатели мои съ живостью высказывали свое одобреніе и въ знакъ этого прицелкивали языкомъ.

Послѣ этого, на другой день я отправился къ волостному управителю Киреваю Тютіеву, чтобы попросить его распространить среди киргизовъ своей волости выше приведенное газетное извѣстіе. У управителя было мною народа, пріѣхавшаго со сѣзда для окончанія своихъ дѣлъ. Для управителя сообщенное мною извѣстіе было пріятной и неожиданной новостью. Онъ могъ узнать эту повость самъ и раньше меня, если бы читалъ газету; но киргизы почти не читають свою „Киргизскую Степную газету“. Я остался здѣсь ночевать. На другой день я увидѣлъ, что множество киргизовъ сидятъ вмѣстѣ въ большомъ кругу, на травѣ. Я взялъ газету, отправился къ нимъ, сначала разсказалъ своими словами, потомъ заставилъ одного изъ нихъ прочитатъ по-киргизски. Когда сообщеніе было прочитано, всѣ киргизы прежде всего высказали мнѣ, что все прочитанное— правда, что замою все это слышали они отъ татаръ; потомъ выражали мнѣ благодарность и бранили татаръ за то, что они напрасно ихъ смущають.

— Слышали ли вы, спросилъ я, вышелъ ли указъ отъ Царя крестить васъ силою?

— Нѣтъ, не слыхали.

— А не слыхали ли, чтобы какого-нибудь киргиза насильно окрестили?

— Нѣтъ, нѣтъ, не слыхали, съ живостью отвѣтили киргизы.

— Вотъ видите, значить всѣ измышленія татарскія оказываются самою безсовѣстною ложью.

Затѣмъ киргизы опять принялись усердно благодарить меня и не менѣе усердно бранили татаръ.

Что касается проповѣди слова Божія, то въ настоящій разъ, какъ и прежде, я старался дѣйствовать съ крайнею осторожно-стію, желая сначала пріучить, такъ сказать, приручить къ себѣ киргизовъ. Въ послѣднее время въ моемъ сознаніи нерѣдко возникала мысль о томъ, какой глубочайшій психологическій смыслъ заключается въ томъ обстоятельстве, что Христосъ и Его великій Предтеча начинали проповѣдь съ *покаянія* (Марк. 1, 4, 15). Живя среди киргизовъ и слыша нерѣдко рассказы между ними о воровствѣ, ссорахъ, клятвенарушеніяхъ и т. п., часто имѣешь удобный случай обратиться къ нимъ съ проповѣдью покаянія во оставленіе грѣховъ. Но киргизы понимаютъ слово „покаяніе“ въ магометанскомъ смыслѣ, признають справедливость моихъ обличеній: *рас, рас*, слѣдуетъ покаяться, это — дѣло хорошее! Когда же послѣ этого станешь говорить о первородномъ грѣхѣ, о грѣховности каждаго человѣка и о возможности полного, всецѣлаго избавленія отъ грѣха посредствомъ таинства св. крещенія, то обыкновенно отвѣчаютъ, что Богъ далъ русскимъ русскую вѣру, а киргизамъ — киргизскую, поэтому вѣру мѣнять не слѣдуетъ. Если есть изъ слушателей мало-мальски грамотный, то вступаетъ въ споръ, доказываетъ истинность и превосходство магометанской религіи предъ всѣми другими.

И пишутъ, и говорятъ, что киргизы отличаются необыкновеннымъ религіознымъ индифферентизмомъ; это вѣрно, но не вполне: исключенія встрѣчаются чаще и чаще. Но въ настоящую мою поѣздку я почти не видѣлъ, чтобы киргизы совершали намазъ; только послѣ принятія пищи взрослые дѣлають видъ, что ути-

раютъ руками лицо и говорятъ: *Аллагы Экберъ*. Дѣти уже и этого не дѣлаютъ и религіознаго (и вовсе никакого) воспитанія не получаютъ. Подъ кажущимися индифферентизмомъ однако скрывается фанатизмъ, который въ рѣзкихъ формахъ обнаруживается, когда киргизы слышатъ, что кто-нибудь хочетъ креститься, или когда волостной управитель получить отъ уѣзднаго начальника сообщеніе для отмѣтки въ посемейныхъ епискахъ, что такой-то крестился; тогда, какъ передавали мнѣ волостные письмоводители (изъ русскихъ), киргизы на первыхъ порахъ начинаютъ волноваться и браниться на судьбу: зачѣмъ-де это стали крестить киргизовъ!? прежде этого никогда не было!

Отъ волостнаго управителя я сталъ постепенно изъ аула въ аулъ приближаться къ Шульбѣ, чтобы пріѣхать къ Петрову дню домой. Въ каждомъ аулѣ я съ газетнымъ сообщеніемъ въ рукахъ опровергалъ слухи о насильственномъ крещеніи, говорилъ о заповѣди Христа крестить только тѣхъ, которые увѣруютъ въ Него

28 іюня вечеромъ я возвратился въ Шульбу.

Шульбинскій миссіонеръ іером. Сергій.

Изъ Акмолинска.

(КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ „ПРАВОСЛАВНАГО БЛАГОВѢСТНИКА“).

Съ Божіею помощію, и въ Каркаралинскомъ станѣ ново-учрежденной Киргизской миссіи Тобольской епархіи совершилось присоединеніе къ св. Православной церкви киргиза-магометанина. Въ двадцатыхъ числахъ января къ мѣстному миссіонеру, священнику Сергію Целерицкому явился киргизъ Бурминской волости, каркаралинскаго уѣзда, Аубякыръ Бабіевъ, 27 лѣтъ отъ роду, и заявилъ о своемъ желаніи креститься. Изъ бесѣдъ съ Аубякыромъ миссіонеръ вполне убѣдился въ искренности и чистотѣ его намѣренія, и потому, по наученіи основнымъ истинамъ православной вѣры, 4 сего февраля, совершилъ надъ нимъ таинство св. крещенія. Новокрещеннаго нарекли *Николаемъ*. Воспріемни-

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣмъ языки, крѣщаще
ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подъ августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1905.

Годъ тринадцатый.

ТОМЪ II.

№ 14.

І Ю Л Ь.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САЗДОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1905

кихъ, забытыхъ, но простыхъ, добрыхъ, честныхъ, спокойно смотрящихъ на свою нищету и бѣдность инородцевъ въ душахъ отказавшихся отъ міра пробуждаетъ чувство смиренія и сознанія своего недостатка, своей убогости предъ Богомъ... Бѣдная, но величественная природа сѣвера возвышаетъ мысли и помыслы къ Богу Великому въ дѣлахъ Своихъ...

Хотѣлось бы мнѣ, чтобы эта краткая моя замѣтка о нуждахъ Обдорской миссіи дошла до слуха окрестившихся огнемъ миссіонерства инокинь Лѣснянской и Вировской обителей.

Настоятель Обдорской миссіи іеромонахъ Иринархъ.

Записки Шульбинскаго миссіонера (Киргизской миссіи).

27-го января сего года въ селѣ Орловскомъ просвѣщена св. крещеніемъ киргизка Кайса, нареченная Екатериной.

Разскажемъ обстоятельства этого событія: киргизка Кайса (во св. крещеніи Екатерина) родилась въ русскомъ селѣ и выросла между русскими, поэтому имѣла искреннее желаніе слѣлаться русской и принять св. православную вѣру; но боясь своихъ родителей, долгое время не осмѣливалась открыть свое намѣреніе постороннему лицу. Передъ Рождествомъ Христовымъ 1903 года она рѣшилась креститься и съ просьбою о крещеніи обратилась къ мѣстному священнику, но получила отказъ; онъ заявилъ, что не уполномоченъ на это дѣло и общался написать миссіонеру, чтобы пріѣхалъ для крещенія просительницы.

Кайса не могла утерпѣть и просила знакомаго сосѣда-крестьянина отвезти ее въ село Сѣкисовское, думая, что мѣстный батюшка отказывается окрестить ее, боясь мести отца ея. Напрасно уговаривали ее подождать пріѣзда миссіонера, — не вѣрила и надѣялась скорѣе принять св. крещеніе отъ посторонняго священника и отправилась.

Пріѣхавши предъ Рождествомъ Христовымъ къ Сѣкисовскому священнику о. Корнилію Антропову она убѣдилась, что ей го-

ворили правду, и этот батюшка сказалъ то же самое: „жди миссіонера, прїѣдетъ скоро, я напишу, чтобы онъ прїѣхалъ скорѣе“.

Киргизка въ ожиданіи миссіонера осталась жить у священника. Черезъ нѣсколько дней прїѣхалъ отецъ ея и умолялъ выдать ему дочь, обѣщаясь при этомъ и самъ креститься съ семьей, паль ничкомъ на полъ и началъ рыдать съ причитаніями по киргизски, оплакивая ее, какъ погибшую.

Священникъ послѣ долгихъ объясненій согласился отправить съ нимъ его дочь, но только до прїѣзда миссіонера. Отецъ на это согласился и благодарилъ за то, что его пожалѣли. Когда жена священника передала Кайсѣ, что ее отпускаютъ съ отцомъ, та начала отказываться, говоря, что ни за что не поѣдетъ. Насилу уговорили. Когда ее вывели къ отцу, то тотъ обрадовавшись забылъ и слезы и угрозы, только торопилъ ее въ дорогу, самъ живо собрался и увезъ во-свояси. По прїѣздѣ домой, противъ обыкновенія, онъ началъ запрещать дочери ходить къ русскимъ. Долго бѣдной Кайсѣ пришлось ждать миссіонера; онъ прибылъ только 26 января (раньше не могъ, такъ какъ въ половинѣ января бываетъ годичный миссіонерскій съѣздъ). На другой же день миссіонеръ пригласилъ къ себѣ киргизку и разспрашивалъ о ея желаніи и побужденіяхъ креститься, испытывалъ въ знаніи молитвъ. Оказалось, что она заранѣе была достаточно уже подготовлена, научена молитвамъ и крестному знаменію; на всѣ вопросы отвѣчала толково и истово крестилась, не стѣсняясь во множествѣ собравшейся публики, поэтому вскорѣ же совершено было крещеніе въ мѣстной единовѣрческой церкви, въ присутствіи священника о. Логгина Антропова, при большомъ стеченіи народа. Во время совершенія таинства крещенія подошелъ къ церкви и отецъ новопросвѣщаемой, Сатырбай, но его въ церковь не пустили, такъ какъ у единовѣрцевъ строго воспрещается пускать въ храмъ нехрестіа. Послѣ крещенія ново-крещенной было преподано назиданіе. Когда выходили изъ церкви, Сатырбай шумѣлъ на всю церковную площадь, кричалъ, между прочимъ, что онъ знаетъ куда подавать бумагу съ жалобой, зачѣмъ крестили и проч. Въ это время Сатырбай до того

былъ озлобленъ, что никого и слушать не хотѣлъ, а просилъ выдать дочь, съ которой желалъ говорить; на это ему сказали, что повидаться съ дочерью онъ можетъ, но безъ крика и шумнаго разговора. Сатырбай не замѣтилъ, какъ вышла его дочь изъ церкви и уѣхала, такъ какъ въ церковной оградѣ стояло много народа, мужчинъ и женщинъ, пришедшихъ смотрѣть, какъ крестятъ большихъ, потому что случаи крещенія бывають рѣдки.

По выходѣ изъ церкви миссіонеръ съ переводчикомъ прошли въ квартиру священника, сюда же направился и Сартыбай, думая, что и дочь его здѣсь. А на самомъ дѣлѣ, та выйдя изъ церкви, уѣхала къ своей крестной матери. Сартыбаю не вѣрилось, что дочь его не у батюшки; онъ то и дѣло заглядывалъ въ дальнюю комнату, въ надеждѣ увидеть ее. Миссіонеръ, выходя изъ квартиры священника, сказалъ Сартыбаю, что если онъ желаетъ повидаться съ дочерью, то пусть идетъ вмѣстѣ съ нимъ на земскую квартиру, но съ условіемъ не кричать и никакихъ глупостей не творить.

Придя на земскую квартиру, послали за Екатериной, которая вскорѣ и явилась. Сатырбай спросилъ по русски и по киргизки: „кто привезъ ее и зачѣмъ она сдѣлала такое дѣло?“ Екатерина спокойно отвѣтила: „сама пришла креститься“. Отецъ началъ укорять, зачѣмъ она оставила отца, мать, сестеръ съ братомъ; „иди ко мнѣ назадъ и брось съ шеи находящееся тамъ“ (т. е. крестъ) и опять началъ кричать. Миссіонеръ останавливалъ его, но онъ не унимался; предложено было выйти — не уходить; тогда вывели его въ сѣни; здѣсь на лѣстницѣ миссіонеръ, остановивъ его, сказалъ, если безобразничать не будешь, такъ иди назадъ и бесѣдуй съ Екатериной, только трогать ее не смѣй и дерзостей не говори. Воротились всѣ въ комнату и усѣлись. Вскорѣ пришелъ и другой киргизъ, за нимъ послѣдовала жена его. Они услышавши, что окрестилась родственница ихъ, прибѣжали удостовѣриться и спросить: сама ли согласилась креститься или окрестили силой, какъ имъ казалось. Пошли разспросы и просьбы о возвращеніи къ роднымъ, но Екатерина на русскомъ языкѣ громко и отчетливо отвѣтила: „пришла я сама

креститься, назадъ не пойду“. Родственница махнула рукой и сказала: „больше нечего и разговаривать, и ты Сатырбай не реви напрасно, толку нѣтъ“, а мужъ этой киргизки, Урасска, перебилъ: „Сатырбаю этого еще мало, нужно ему и самому туда же, когда слово даль“. Это сказано имъ въ виду того, что Сатырбай говорилъ о. Корнилію Антропову, что и самъ думаетъ креститься. Слова Урасски дали возможность Сатырбаю убѣдиться въ безуспѣшности его стараній и онъ мало по-малу сталъ стихать, наконецъ удалился разсчитывая въ тотъ же день ѣхать съ жалобой. Немного спустя по уходѣ его, миссіонеръ, переводчикъ и крестьяне, чтобы успокоить огорченнаго, пошли къ нему въ домъ. Входя въ хату, мы застали хозяина сидящимъ на полу за чайнымъ столомъ. Тутъ же сидѣла и семья его: жена, двѣ дочери и сынъ. Онъ почтительно всталъ, приготовивъ мѣсто для миссіонера на сундукѣ, пригласилъ сѣсть. Замѣтно было, что старикъ все еще волновался, грозилъ закономъ, трехлѣтнимъ судомъ и даже местию; на послѣднее крестьяне замѣтили, что если вздумаетъ учинить насиліе или какую нибудь исторію, то самъ же будетъ и отвѣчать по закону; поэтому совѣтовали бросить все, примириться, успокоиться. Вскорѣ серьезный разговоръ перешелъ на шутливый, и мы простившись, вышли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ

Иѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщае
ихъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѢЕОДОРОВНЫ.

1905.

Годъ тринадцатый.

ТОМЪ II.

№ 16.

А В Г У С Т Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, СДЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОВ. Д.

1905

обрушился на родного сына цѣлымъ потокомъ ругательствъ съ проклятіями, призывая на него смерть. Послѣ промысла отецъ и сынъ благополучно возвратились домой. Но черезъ нѣсколько дней сынъ, отличавшійся прежде прекраснымъ здоровьемъ, вдругъ, безъ всякой видимой причины, страшно захворалъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ подзываетъ къ себѣ мать и сестеръ и обращается къ нимъ съ такими словами: „отецъ на промыслѣ изъ-за убѣга коней проклялъ меня съ пожеланіемъ мнѣ смерти. И вотъ проклятіе его пало нынѣ на главу мою: я умираю“. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ Александра не стало на свѣтѣ. Отецъ, въ отчаяніи, что по своей винѣ лишился опоры подъ старость, своего единственного сына, рвалъ на себѣ волосы и плакалъ, какъ ребенокъ. Но горю помочь уже не могъ.

Этотъ случай на всю жизнь, конечно, останется въ памяти несчастнаго отца, но не забудутъ оный и односельцы его, ибо всѣмъ ясно было, что въ данномъ случаѣ совершился судъ Божій, покаравшій неразумнаго отца за крайнее жестокосердіе къ родному сыну“.

Записки Шульбинскаго миссіонера (Киргизской миссіи) ¹⁾.

Пребываніе въ степи принесло намъ не малую пользу,— прежде всего тѣмъ, что я получилъ здѣсь возможность нѣсколько ознакомиться съ арабскимъ языкомъ. Мнѣ хотѣлось выучиться свободно читать по арабски, но, къ сожалѣнію, не пришлось, такъ какъ мулла того аула, гдѣ мы остановились, не имѣлъ возможности заниматься со мной отдѣльно, а предложилъ учиться вмѣстѣ съ шакирдами въ одной юртѣ, что оказалось неудобнымъ, ибо ученики его интересуясь нашими разговорами стѣлекались отъ дѣла въ ущербъ своимъ и нашимъ занятіямъ. Сидѣть въ одной юртѣ и заниматься вмѣстѣ съ шакирдами, положительно

1) Окончаніе. См. „Правосл. Благов.“ № 14, стр. 240—243.

не было возможности еще и потому, что у нихъ привычка—читать заданный урокъ во весь голосъ, при чемъ каждый старается заглушить своего товарища. Поэтому желаемого успѣха отъ ученія арабскому языку, я, къ сожалѣнію, не достигъ; но во всякомъ случаѣ пребываніе мое въ киргизахъ было полезно тѣмъ, что я ближе познакомился съ киргизскою жизнью, ихъ обычаями, и имѣлъ возможность вести религіозныя бесѣды.

Первую недѣлю по пріѣздѣ, я знакомился съ жителями аула, а потомъ понемногу началъ объясняться съ муллою о различіи нашихъ вѣръ. А чтобы имѣть больше времени и удобства для бесѣдъ съ нимъ, я предложилъ ему учиться по русски: читать, писать и разговаривать, на что мулла согласился съ большою радостью и усердно принялся за букварь безъ особенныхъ предварительныхъ разсужденій и пріемовъ. Въ три-четыре дня онъ выучилъ всѣ буквы по букварю для киргизовъ и началъ сносно разбирать по русски. Долго заниматься ему все же не удавалось, ибо съ утра и до захожденія солнца онъ неотлучно находился около шакирдовъ. Кромѣ чтенія мулла интересовался и другими предметами: богослуженіемъ, жизнью и обычаями русскихъ; онъ никогда не жилъ между русскими, поэтому ему все казалось новостью.

Мало по малу мы перешли и на религіозныя темы. Бесѣды велись безъ всякой системы: по разнымъ поводамъ съ одной темы переходили на другую, третью и т. д.

Въ одинъ вечеръ послѣ обычнаго своего намаза, мулла задалъ мнѣ слѣдующій вопросъ: „молишься-ли ты каждый день и сколько разъ?“ — Миссіонеръ: — „Молюсь два раза: утромъ какъ встану и вечеромъ предъ сномъ; это—въ будни, а въ праздники служба бываетъ въ церкви и долгая: часа по 2—3 одна служба“. Мулла: „А мы молимся 5 разъ и предъ каждымъ намазомъ дѣлаемъ „тярять“ т. е. омовеніе, а у васъ какъ?“ миссіонеръ: „У насъ омовенія передъ молитвой не бываетъ, а очищаютъ тѣлесную грязь въ банѣ“. Мулла: „По нашему говорится, что всѣ пророки и Гайсе (І. Христосъ) все дѣлали такъ, какъ мы теперь соблюдаемъ“. Миссіонеръ: „Нѣтъ, не такъ, потому что только чрезъ 565 лѣтъ послѣ Рождества Христова родился Ма-

гометъ и по этому пророки и І. Христосъ не могли исполнять ученіе и совершать обряды по вашему. Въ Новозавѣтномъ писаніи во многихъ мѣстахъ говорится, что І. Христосъ не сдѣлалъ никакого грѣха; Онъ былъ чистъ и тѣломъ, и не имѣлъ нужды въ омовеніи, вѣдь тѣлесное омовеніе имѣетъ цѣлью очищеніе отъ наружной нечистоты“. Мулла: „Да, это такъ“. Миссіонеръ: „И у насъ служащимъ въ церкви и богомольцамъ не полагается идти въ храмъ безъ очищенія тѣлеснаго и душевнаго примиренія. Заранѣе до церковнаго богослуженія очищаютъ тѣлесную грязь въ банѣ, гдѣ гораздо лучше смывается съ тѣла все, чѣмъ у васъ. Да еще за немѣніемъ воды, по вашему правилу, можно омовеніе совершать и пылью; отъ такого омовенія тѣло не только чище не будетъ, а еще хуже загрязнится“. Мулла: „Зналъ ли читать Гайсе?“ Миссіонеръ: „Зналъ“. Мулла: „Какъ звали учителя Его?“ Миссіонеръ: „Въ 15-мъ ст. 7 гл. отъ Іоанна говорится: „и дивляхуся іудее, глаголюще: какъ сей книги вѣсть не учився“... По этому можно утвердительно заключить, что І. Христосъ не учился ни у какого учителя, а зналъ св. писаніе очень хорошо, — вездѣ и всегда люди удивлялись о ученіи и премудрости, исходящихъ изъ устъ Его“ (Лук. 4, 16—30). Мулла: „У насъ говорится, что І. Христосъ учился у іерея Захаріи“. Миссіонеръ: „Нѣтъ, потому что Захарія служилъ и жилъ раньше учебнаго возраста І. Христа, и въ другомъ городѣ. І. Христосъ вмѣстѣ съ праведнымъ Іосифомъ жилъ въ Назаретѣ и занимался плотничествомъ, а о ученіи его въ школѣ у учителей въ св. писаніи нигдѣ не говорится. І. Христосъ даже въ ранніе годы, когда ему было только 12 лѣтъ, въ Іерусалимскомъ храмѣ своими премудрыми вопросами и отвѣтами привелъ учителей въ изумленіе“. Мулла: „Почему русскіе говорятъ, что у Бога есть Сынъ, какъ же это можетъ быть?“ Миссіонеръ: „Да, Богъ одинъ, но троиченъ въ лицахъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый. Мусульмане напрасно говорятъ, что русскіе вѣруютъ въ трехъ боговъ; нѣтъ, это чистѣйшій вздоръ! Вотъ возьмемъ для примѣра солнце. Сколько на небѣ солнцъ?“ Мулла: „Одно“. Миссіонеръ: „Да, одно, но въ тоже время въ немъ существуютъ три вещества: самое солнце

одно, скажемъ, тѣло солнца, свѣтъ и теплота его. Ну, теперь скажи мнѣ, сколько вышло солнцевъ?“ Мулла: „Солнце одно“. Миссіонеръ: „А сколько веществъ въ солнцѣ?“ Мулла: „Три“. Миссіонеръ: „Вотъ такъ же и Богъ единый въ трехъ лицахъ. Еще примѣръ. Вотъ теперь передъ нами горитъ свѣча, я зажгу отъ нея другую свѣчу, огонь перешелъ, но старый остался по прежнему и свѣтъ и огонь не уменьшились. Такое явленіе намъ тоже непонятно“. Мулла: „Да, непонятно“. Миссіонеръ: „Въ библии говорится: „и сказалъ Богъ сотворимъ человѣка... По образу нашему и по подобію нашему... — Духъ Божій носился надъ водой. — Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ: исполнь вся земля славы Его“ (Исаи 6, 3). И много другихъ подобныхъ изреченій. По пришествіи же І. Христа на землю таинство Св. Троицы особенно ясно открылось во время крещенія Спасителя міра“.

„Троичность Божія недоступна вполнѣ нашему понятію или уму, но І. Христосъ далъ намъ ясныя указанія о Св. Троицѣ. „Я во Отцѣ моемъ и Отецъ во мнѣ“, говоритъ Онъ. Такихъ мѣстъ въ новозавѣтномъ писаніи очень много. Самымъ же яснымъ свидѣтельствомъ о Св. Троицѣ служитъ 19 стихъ 28 гл. Евангелія отъ Маттея. Христосъ Спаситель, посылая апостоловъ на проповѣдь, сказалъ: „Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа...“ Мулла: „Мы Евангелію вѣруемъ, но только оно у васъ мѣстами испорчено. Гайсе былъ пророкъ, но ваши приняли Его за Бога“. Миссіонеръ: „Да, вѣрно, приняли Его за воплотившагося Сына Божія, но не по ошибкѣ, а воистинну и по ученію Самого Іисуса Христа“. Мулла: „Отъ кого же Онъ родился?“ Миссіонеръ: „Отъ Пресвятой Дѣвы Маріи“. Мулла: „Да, отъ Маріи. Она жила при Іерусалимскомъ храмѣ во дни іерея Захаріи 20 лѣтъ, и въ это время Ей было благовѣщено Архангеломъ Гавріиломъ о рожденіи ею Сына и она зачала отъ Духа или по силѣ Божіей“. Миссіонеръ: „Да, вѣрно Архангелъ Гавріилъ являлся ей и при храмѣ, но благовѣстіе было въ домѣ праведнаго Іосифа и въ городѣ Назаретъ“. Мулла: „Почему же вы не признаете нашего Магомета за пророка и не вѣруете ученію Корана, когда мы

Гайсе почитаемъ какъ пророка?“ Миссіонеру не безъ стѣсненія пришлось отвѣтить: „Магомета мы не признаемъ за пророка и Корану невѣруемъ потому, что онъ содержитъ мѣстами нехорошее ученіе“. — Мулла: „Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть этого въ Коранѣ, врешь, Коранъ, біблія, псалтырь и Евангеліе ниспосланы съ неба Богомъ и есть Св. книги“. — Миссіонеръ: „Я сейчасъ покажу тебѣ мѣсто, главу и стихъ въ Коранѣ и переведу съ русскаго на киргизскій языкъ“. Мулла ждалъ съ нетерпѣніемъ. Когда же миссіонеръ въ русскомъ переводѣ Корана, для примѣра указалъ два-три слабыхъ мѣста и перевелъ ихъ, то мулла, вздохнувши сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, я этому не повѣрю!“ Миссіонеръ: „Тогда возьми свой арабскій Коранъ и найди этотъ стихъ“. Мулла: „Я по арабски не понимаю, найти найду, но языкъ не знаю“. Миссіонеръ: „Объ І. Христѣ предсказано всѣми пророками и обѣщано самимъ Богомъ веѣмъ праотцамъ, начиная съ Адама, а о Магометѣ никѣмъ не предсказано“. Мулла: „А въ коранѣ?.. тамъ говорится, что онъ самый послѣдній и самый великій изъ пророковъ; у васъ, въ Евангеліи, неужели ничего не сказано о Магометѣ?“ Миссіонеръ: „Да, ничего нѣтъ, какъ въ Евангеліи, такъ и въ книгахъ пророковъ“. Мулла: „Нѣтъ, господинъ, Магометъ величайшій изъ пророковъ и даже ангеловъ“. Миссіонеръ: „Мы корану не вѣримъ, а вѣруемъ св. Евангельскому ученію, которое содержитъ все святое. Всѣ древніе пророки творили чудеса, а І. Христосъ сотворилъ очень много: воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ бѣсовъ, исцѣлялъ ослабленныхъ и т. п., почему Магометъ не творилъ чудесъ?“ Мулла подумавъ сказалъ: „Магометъ заставилъ луну войти въ правый рукавъ своего чапана (плаща) и выйти чрезъ лѣвый, потомъ раздѣлиться на двѣ части, изъ которыхъ одна направилась къ востоку, а другая къ западу, и соединившись въ центрѣ неба, снова засіяла чуднымъ, яркимъ свѣтомъ“. Миссіонеръ: „Луна весьма велика, чтобы пройти чрезъ рукава“. Мулла: „Божіей силой все возможно сдѣлать“. Миссіонеръ: „А другія какія чудеса были?“ Мулла: „Онъ не творилъ много чудесъ, а просилъ Бога, когда Ему такъ угодно“.

Послѣ сего предложено было муллѣ чтеніе изъ Священной исторіи на киргизскомъ языкѣ о воскресеніи сына Наинской вдовы и исцѣленіи ослабленнаго при овчей купели. Мулла: „Всетаки нашъ Магометъ и его вѣра выше всего, ибо онъ олицетворенъ (?) за 40 лѣтъ до сотворенія міра и Адама и вполсѣдствіи принялъ человѣчество по всемогуществу Бога. Вначалѣ у Магомета сотворено было все туловище кромѣ головы, но когда пришло время (т. е. черезъ 6117 лѣтъ) Богъ дотворилъ Магомета, т. е. прибавилъ къ туловищу голову. У иныхъ начинается твореніе съ головы, а у пророка — наоборотъ, кончилось головой. Въ общемъ, вы предались Гайсе и смѣшали Его съ Богомъ. У русскихъ и мусульманъ одинъ Богъ, но разная вѣра, поэтому русскихъ и нельзя называть кіафирами (т. е. невѣрными), какъ калмыковъ и китайцевъ, — они, русскіе, вѣруютъ съ нами въ одного Бога, но — неправильно“. Дальше говорили: а) о пришествіи антихриста (его побѣдитъ — де Гайсе, который точитъ на небѣ стрѣлы); б) объ иконопочитаіи (смыслъ и значеніе его); в) о православныхъ храмахъ (прообразъ ветхозавѣтная скинія); и г) общественной молитвѣ (при чемъ указано было на несправедливое запрещеніе мусульманскимъ женщинамъ молиться въ мечети). Мулла слушалъ внимательно, но на все старался дать свои объясненія. Въ заключеніе бесѣды мулла, указывая на сидѣвшую на постели киргизку, сказалъ: „была бѣсноватая, теперь, слава Богу, здорова, вылѣчилась, кидалась на домашнихъ съ ножомъ, съ топоромъ, а сейчасъ пришла въ себя. Читалъ надъ ней вотъ эту книгу“. При этомъ показывалъ книжку страницъ въ 30—40 и сказалъ: „Черная магія“. Миссіонеръ не безъ удивленія спросилъ: „Магія книга большая“. Мулла: „Есть и большая“, что тутъ же подтвердилъ переводчикъ. Мулла книги эти досталъ изъ Казани — изданіе 1847 года. По словамъ муллы и теперь печатаются такіа книги, но съ ошибками — опечатками, печатають только ради денегъ, а потому и толку мало, мастеровъ много стало, да плохіе... Получивъ отъ муллы „тяесиръ“ — книжку на турецкомъ языкѣ, мы отправились во свояси.

Про лѣченіе больныхъ этимъ муллою я раньше слыхалъ, но говорили киргизы, что онъ изгоняетъ бѣсовъ чтеніемъ корана, а на мѣсто корана оказалась „Черная магія“. Это для миссіонера новость и довольно важная, такъ какъ мусульмане вѣрятъ въ чудодѣйственное чтеніе корана надъ болящимъ. Бѣсноватая же женщина вылѣченная муллою, оказалась больной „бѣлой горячкой“.

Въ слѣдующіе дни, съ 16 по 27 августа—въ такомъ же родѣ и спокойномъ тонѣ бесѣдовали съ муллою: а) о Богоматери и прародителяхъ І. Христа; б) о пророкѣ Моисей (по ихъ ученію Дѣва Марія сестра пророка Моисея; в) о многоженствѣ Магомета и мусульманъ, ихъ чувственномъ раѣ и православномъ ученіи о загробномъ мірѣ и будущемъ воздаяніи.

16 сентября присоединенъ къ Христовой вѣрѣ киргизъ Чарской волости Алгазы Алатаевъ, нареченный Серафимомъ въ честь новоявленнаго Саровскаго чудотворца. Родился и выросъ Алгазы въ русской срдѣ, даже 2 года учился въ сельской школѣ, только Законъ Божій и славянскій языкъ не проходилъ по наставленію своихъ родителей. Малолѣтнимъ находился въ страхѣ у родителей, а когда достигъ совершеннолѣтія, то, хотя и боялся родныхъ своихъ, тайно уѣхалъ въ нашъ миссіонерскій станъ, гдѣ и крестился. Какъ ни странно, приходится отмѣтить фактъ, что препятствуютъ крещенію подобныхъ прозелитовъ не только родные ихъ, а даже сами православные.

Такъ, напримѣръ, въ страстную пятницу готовились совершать св. крещеніе надъ киргизомъ, работникомъ одного казака. За нѣсколько дней до означеннаго времени миссіонеръ по секрету объявилъ хозяину о желаніи его работника креститься и просилъ объ этомъ никому не говорить. Казакъ общалъ, а самъ всѣми силами началъ уговаривать киргиза-работника не креститься, въ чемъ и успѣлъ, хотя оглашенный бывалъ неоднократно въ церкви за богослуженіями и усердно твердилъ молитвы, видимо вполне сознательно готовясь къ св. Таинству. Не задолго до крещенія миссіонеръ пошелъ къ киргизу еще разъ побесѣдовать, но его уже не нашелъ.

Одну киргизку увезли на 21 день ея оглашенія въ домъ новокрещеннаго. За ней изъ Семипалатинска пріѣхало человекъ 30 киргизъ съ татарами. Это происходило въ отсутствіе миссіонера и діакона, а переводчику не подъ силу было бороться съ такой толпой. Зрители-казаки, видя такое насиліе киргизъ не только не помогли переводчику, но своимъ смѣхомъ какъ будто бы поощряли мусульманъ. Въ общемъ, нужно замѣтить, что пребываніе стана въ Шульбѣ не только не приноситъ пользы, а наоборотъ служитъ тормазомъ дѣлу. Есть, правда, и доброжелатели миссіи, которые такъ или иначе содѣйствуютъ, или по крайней мѣрѣ сочувствуютъ обращенію киргизъ, но таковыхъ, къ сожалѣнію, мало.

5 октября просвѣщенъ св. крещеніемъ татаринъ рядовой Змѣинойгорской команды и нареченъ Николаемъ.

Посѣщеніе архіепископомъ Иркутскимъ Тихономъ нѣкоторыхъ миссіонерскихъ становъ въ 1904 г.

(Изъ записной книжки миссіонера).

13-го ноября 1904 года высокопреосвященный Тихонъ, архіепископъ Иркутскій, возвращаясь съ освященія заново перестроенной Заларинской Николаевской приходской церкви, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Куйтинскую церковь-школу и два миссіонерскихъ стана.

Въ Куйтинской церкви-школѣ владыка встрѣченъ былъ учащимися школы, бурятскими дѣтьми, пѣніемъ храмового тропаря: „Заступнице усердная“. Затѣмъ, отслуживъ обычный молебенъ Божіей Матери, онъ тутъ же въ храмъ-школѣ произвелъ испытаніе собравшихся учащихся школы какъ въ знаніи Закона Божія, такъ и другихъ предметовъ (ученики находились за партами). Какъ толковые отвѣты учениковъ, такъ и довольно стройное пѣніе ихъ, повидимому, произвели хорошее впечатлѣніе на благостнаго архипастыря, лицо котораго сіяло ласковой улыбкой. Послѣ